

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

*Рекомендовано Министерством общего и профессионального
образования РФ для дополнительного образования*

Книги серии
ИСТОРИЯ РОССИИ
издательства «Белый Город» признаны
лучшими книгами 2000 года

Сергей Перевезенцев

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Иллюстрации Сергея Онипенко

БЕЛЫЙ ГОРОД

Москва, 2001

КАК У ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МОСКОВСКОГО ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА СЫН НАРОДИЛСЯ

Снежным выдался январь 1526 года в Москве. Снежным и... праздничным. Да и как не праздновать — государева свадьба! Вот и сбежались москвичи в Кремль со всех концов города на такое важное событие посмотреть. Холодно было, пусть и не так люто, как в Москве часто бывает, но притоптывали зеваки ногами, похлопывали себя руками по бокам и ждали, когда великий князь Василий Иванович с молодой невестой Еленой Васильевной Глинской венчаться поедут.

Однако нет-нет да и прокатится по рядам слушок, который с ноября месяца прошлого года по Руси гуляет:

— А первую-то свою жену, Соломонию, князь в монастырь отправил да насильно в монахини постриг. Вот она, доля жен государевых — нет наследников и сами жены в тягость становятся.

Шепчутся между собой зеваки, да оглядываются — не дай Бог кто донесет. Этак и в темницу угодить можно за оскорбление имени великокняжеского.

Ну, да и Бог с ними, со слухами — вон уже и сани показались, на которых жениха с невестой в Успенский собор венчаться везут. А впереди-то, впереди — бояре да слуги царские, празднично разряженные, несут свечи зажженные и хлебные караваи. Кому из москвичей в сам собор пробраться удалось, тот видел: когда митрополит Московский Даниил, венчание совершающий, подал жениху и невесте вино, то великий князь Василий Иванович, вино допивши, ударил стекляницу о землю и растоптал ногою, в вышитый сапог обуто. То был давний обычай — стекла потом подбирали и в реку выкинули.

А после венчания сели молодые у столба и поздравления принимать начали — от митрополита, от братьев великого князя, Андрея и Юрия, от бояр и детей боярских. Певчие же дьяки пели новобрачным «многолетие».

На следующий день москвичи жадно слушали байки, из Кремля дошедшие, о том, что было после венчания и свадебного пира. Да и как не слушать — всем знать важно, будет у князя наследник или нет, останется Елена великой княгиней или же, вслед за первой княжеской

Василий III Иванович (1479—1533) — старший сын московского великого князя Ивана III Васильевича от брака с Софьей Палеолог, племянницей последних византийских императоров. В 1505 году занял престол Московского княжества. В годы правления Василия III к Москве были присоединены Псков, Смоленск, Рязанское княжество, совершались походы на Казанское ханство.

женой, в монахинях окажется. И вот что баяли:

— Когда новобрачные в спальню-то пришли, боярыня, подружка невестина,

на себя аж две шубы натянула — одну как положено, а другую навыворот. И давай осыпать великого князя и княгиню хмелем! А свахи и дружки курицей их кормили.

Те, кому байки эти рассказывали, одобрительно головами кивали. Правильно, мол, правильно. Обычай таков, чтоб детушек новобрачным дал Господь. И дальше слушали:

— А постель-то постлана была на тридцати ржаных снопах. Подле постели, в головах, в кадках с пшеницею стояли свечи и караваи. Наутро же, после бани, новобрачных кормили у постели кашею.

И опять слушатели, согласные со всем услышанным, со знанием дела поговаривали:

— Великий князь и государь наш Василий Иванович давно уже о детях тужил. И дай, Боже, милость свою, одари государя сыном-наследником!

Сергий Радонежский (ок. 1321—1391) — выдающийся деятель русской православной церкви, основатель и игумен Троицкого монастыря.

В скором времени монастырь стал символом объединения русских земель под властью московских князей и освобождения от татарского ига.

Сергий Радонежский благословил Дмитрия Донского на борьбу с Мамаем в 1380 г.

За свои подвиги во имя православной веры и многие чудеса почитается святым.

Икона «Св. Сергий Радонежский»

И услышал Господь молитвы княжеские да простолюдинские. Через четыре года после свадьбы, 25 августа 1530 года, родила княгиня Елена сына — Иоанна. А еще через год и несколько месяцев и другого — Георгия. Первенец Иван и стал великокняжеским наследником.

А уж как рад-радехонек был князь Василий Иванович! Крестить сына повез не куда-нибудь — в Троицкий монастырь. В тот, который еще чудотворец Сергий Радонежский основал. Святой Сергий почитался московскими князьями своим покровителем и заступником. Вот и привез Василий Иванович младенчика Иоанна к Сергию и на раку с мощами чудотворца возложил.

Вскоре же, в честь рождения первого сына, повелел великий князь заложить под Москвой, в селе Коломен-

ском, новый храм Божий — церковь Вознесения. И купол храма нового мастерили наподобие шатра, а не лукови, как ранее строили. Купол тот шатровый, в небо устремленный, должен был показать людям: Русь отныне в небеса смотрит, к святости возносится. И не просто новый младенец на свет народился, но будущий великий государь всей Святой Русской земли! Будет на земле своей он Божью правду исполнять — править людьми своими по заветам дедовским и отцовским, умножать русские земли и к благоденствию приводить. Станет тогда Русь государством великим, таким же, какими были до нее Римская империя и империя Византийская. И Русь будет новым Римом — Третьим Римом! Такая вот доля предстояла маленькому княжичу: стать государем Руси — Третьего Рима.

Учение «Москва — Третий Рим» связано с христианским учением о «странствующем царстве». В нем говорится, что Господь наделяет на земле особой благодатью какое-либо государство. В древние времена таковым считалась Римская империя, в которой в IV в. христианство впервые стало государственной религией, — «Первый Рим». Затем Божия благодать перенеслась на Византийскую империю — «Второй Рим». С разделением христианства на православие и католичество, Византия считалась хранительницей истинной веры. Но в XV в. Византийская империя погибла под напором турок и рыцарей-крестоносцев, и Русь осталась единственным независимым православным государством. В XVI в. в России утвердилось учение о том, что Русь является наследницей Римской и Византийской империй — «Третьим Римом». Считалось, что Русское государство способно встать во главе всего мира и спасти этот мир от гибели.

КАК ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МОСКОВСКИЙ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ГОДЫ ДЕТСКИЕ ПРОВОДИЛ

...Маленький трехлетний мальчик, одетый в тяжелые, расшитые золотом одежды, стоял посреди храма. Ему было неудобно в праздничном наряде, да и новые сапожки, хоть и мягкие, сильно сдавливали ножки. Он не понимал, зачем его привели сюда и поставили перед иконами. А тут еще матушка и другая родня отошли назад и оставили его одного-одинешенька.

И боязно стало мальчику. Особенно когда он поднял взгляд и прямо перед собой увидел лик с такими большими и страшными глазами. Мальчику показалось, что глаза эти смотрят прямо в сердце, и душа его затрепетала. И познал мальчик Страх Божий. Он хотел уже заплакать, но в этот момент взгляд его метнулся в сторону от страшного лика, и вдруг увидел он... себя, — сидяще-

«Богоматерь Владимирская». Икона XII век

го на руках у своей матушки. Мальчик даже растерялся поначалу. Как это? Он стоит здесь и в то же время сидит на матушкиных руках? Так не бывает.

И тут мальчик сообразил, что и лик с горящими глазами, и женщина с ребенком, так похожие на его матушку и на него самого, — неживые. Это же иконы! Матушка ему про них рассказывала. Лик — это икона «Спас Ярое Око». Женщина — сама Богородица, а прильнувшего к ней младенца матушка называла Иисусом.

Богородица и вправду так была похожа на матушку, что мальчик передумал плакать. Настоящая матушка только-только отпустила его руку и стояла за спиной, а Матушка Богородица так ласково смотрела на него, будто обещала защиту, как и своему младенцу Иисусу. Так чего же плакать? И родилась в душе мальчика любовь. Любовь эта страшно и пересилила.

Поэтому, даже когда к нему подошел дядька в длинной рясе, с большой боро-

дой и почти такими же горящими глазами, как на иконе Спаса, мальчик не испугался. Да и знал он этого дядьку — все звали его митрополитом Даниилом.

Не испугался он и того, что митрополит поднял над головой мальчика большой крест и сказал громким голосом:

— Бог благославляет тебя, государь, Иван Васильевич, князь великий, владимирский, московский, новгородский, псковский, тверской, югорский, пермский, болгарский, смоленский и иных земель многих, царь и государь всея Руси! Здоров будь на великом княжении, на столе отца своего!

И тут все, кто был в церкви, запели:

— Многая лета! Многая лета!

А потом стали подходить к мальчику и поздравлять его. Сам мальчик не понимал, почему все так радуются. И еще он не понимал, почему рядом нет батюшки, да ведь долго уже нет. И вообще, для мальчика главным сейчас было другое — матушка снова держала его за руку...

Так на престол великого княжества Московского взошел новый государь — Иван IV Васильевич. И было ему от рождения всего три года.

Да-да, всего три года с небольшим исполнилось маленькому княжичу Ивану, как случилась беда: поехал отец его, великий князь Василий Иванович, на охоту и тяжело заболел. И в три месяца сторел — в сентябре 1533 года первые боли начались, а к декабрю уже и с постели встать не мог.

Призвал тогда великий князь к себе бояр и велел завещание — духовную — писать. Завещал же он братьям своим, князьям Андрею и Юрию, и боярам хранить верность сыну своему, Ивану Васильевичу, и почитать его за старшего в роде и своим господином. А попечение над малолетним Иваном доверял он жене своей — великой княгине Елене.

А потом просил митрополита Даниила, чтобы одели его перед смертью в черные одежды и постригли в монахи:

— Смотрите, не положите меня в белом платье; хотя и выздоровлю — нужды нет, мысль моя и сердечное желание обращены к иночеству.

И желание это не блажью было великокняжеской — обычай такой жил на Руси. Великие князья московские перед смертью всегда постриг монашеский принимали, чтобы явиться перед Господом, по смерти своей, с отпущением всех грехов и свободными от мирских помыслов.

И скончался великий князь Василий Иванович, в монашестве Варлаам, 3 декабря 1533 года, в ночь со среды на четверг.

Венчать-то Ивана на великое княжение венчали, да разве будут гордые братья покойного великого князя, Андрей и Юрий, терпеть над собой старшинство младенца несмышленного! Да и княгиня Елена, страшась за себя и сына, не веря никому, стала подозревать везде измену. Вот и начались на Руси ссоры и раздоры. Борьба между княгиней Еленой и князьями-братьями разгорелась нешуточная,

до сражений дело доходило! Еле-еле великая княгиня власть удержала.

Так и рос князь Иван в суете и противоборстве людском. Ему бы в игры играть, а он с детства с опаской на всех смотрит — как бы яду не подсыпали в княжескую пищу. А тут еще на приемах посольских быть всегда обязан. Какой же прием без великого князя! Конечно, все разговоры умные, дипломатические вели княгиня Елена и бояре. Но и великий князь сидел на своем месте — около матери, по правую руку. Бояре же с ним по обе стороны, а около великой княгини — боярыни. Сидел — и учился делу государеву.

Да и то невелика еще была беда, что не всегда Ивану на игры времени хватало. Все же при матушке родной он был. А мать и приголубит-приласкает, и слезинку горячую утрет, да и по головке погладит. Глядишь — и Бог с ними, с играми! Матушка ведь рядом.

Но опять тучи сгустились над Ивановой головой, а вскоре и гром грянул — еще и восьми лет не исполнилось вели-

кому князю, как умерла его матушка, великая княгиня Елена. Случилось это 3 апреля 1538 года. А по Москве снова шепоток пошел:

— Не сама княгинюшка-страдалица померла. Помогли ей люди злые — отравили...

И остались Иван да брат его Георгий совсем сиротами. А сирота, хоть он и великий князь, и есть сирота. Без родительского присмотра, может, оно и вольготно жить, да разве легко?

Бояре кремлевские после смерти княгини Елены больше собственными выгодами заниматься стали, нежели родительской заботой о молодом государе. Им бы душу княжескую пестовать, а они про него самого-то забыли! Править государством стали без государя, по собственному хотению. И к самому государю не выказывали никакого уважения.

Бывало, играют Иван с братом Георгием в комнатах, где отец их жил, а князь Иван Шуйский сидит развалившись на лавке и опершись локтем на постель покойного великого князя Василия. Мало того, он на великокняжескую постель еще и ногу положит. Или — после смерти княгини явились бояре ее имущество в общую казну забирать. Так безо всякого уважения к памяти ее, на глазах у ее сына и своего государя, начали в вещах княгини рыться, ногами распахивать, а кое-что и себе прибрали. А иногда Иван с братом терпели нужду в одежде, и даже в пище!

Для Ивана же, пусть и малолетнего, но государя, дела такие боярские — унижение и оскорбление. Дальше-то больше. Чуть подрос Иван, двенадцати годков достиг, так бояре начали его каждый на свою сторону склонять. Иван ведь начал проявлять свою волю. Теперь понимали бояре, что унижать государя и приказы ему отдавать невозможно уже. Вот и стали горе-воспи-

татели во всем Ивану потакать, во всем споспешествовать.

Поговаривали на Москве, что, к примеру, понравилось князю Ивану животных бессловесных мучить, бросая их на землю с высоких теремов. Так воспитатели не только позволяли это делать, но и хвалили даже. Чуть позже москвичи и сами убедились в Ивановой жестокости и необузданности. В пятнадцать лет собрал он вокруг себя знатную молодежь и начал с ней скакать верхом по улицам и площадям, прохожих грабить и бить. И опять услышал от приближенных:

— О! Храбр будет этот царь и мужествен!

А ведь Иван был ребенком очень даровитым. Он с жадностью и до корки прочел все, что только мог прочесть. Досконально изучил священную, церковную и римскую историю, русские летописи, творения святых отцов.

И всю жизнь потом Иван Васильевич славился как образованный и умный правитель.

Но вот беда — предательство, ложь, ненависть и зависть свили свое гнездо при московском великокняжеском дворе. И маленький Иван всему этому тоже учился. А еще и тому, что права государевы охранять надо любыми способами. Иван же с младенчества так привык — он великий государь и ему стоять во главе Руси — Третьего Рима.

Вот и становился с годами Иван все больше неуправляем и своенравен. И все большую силу в сердце его забирали гордыня, страх и ненависть. А любви в сердце вроде уже и места не оставалось. И, при всей своей даровитости, рос он человеком необузданным и мстительным, одержимым одной мыслью: поскорее стать государем полновластным.

И везде, во всем, теперь уже юношакнязь видел заговоры и измены. Едва ис-

М. Авиллов. «Царевич Иван на прогулке»

Крымчаки — крымские татары. В XV в. Крымское ханство выделилось из Золотой Орды и просуществовало до XVIII в. в зависимости от Турции. Постоянно совершало грабительские набеги на русские земли.

Пищальники — воинские подразделения, вооруженные тяжелыми ружьями — пищальями.

полнилось Ивану тринадцать лет, как решил он напасть на тогдашних истинных правителей — князей Шуйских. Иван Шуйский, притеснитель маленького великого князя, уже умер к тому времени. Но оставался Андрей Шуйский, главный правитель.

Приказал великий князь неожиданно для всех схватить Андрея Шуйского и отправить к псарям на расправу. И побоялись возражать ему. Поволокли Шуйского в тюрьму да и убили по дороге. А других бояр Иван отправил кого в ссылку, кого в тюрьму, а кому велел и язык вырезать.

Как-то в мае 1546 года отправился Иван в Коломну вместе с войском — ждали набега крымчаков. И, будучи уже в Коломне, выехал он погулять за город. Встретил на пути Иван новгородских пищальников. Те же, государя завидевши, все дела свои отбросили и кинулись ему в ноги:

— Государь! — закричали они. — Не вели казнить, вели слово молвить! Бьем мы тебе, государь, челом! Просим выслушать!

Не захотел Иван слушать челобитную новгородцев и велел их отослать. А пищальники не подчинились слугам царским, да еще грязью их закидали. Тогда великий князь отправил к пищальникам отряд дворян. Но пищальники уже разозлились и взялись за оружие. И такой бой серьезный получился, что с обеих сторон на земле осталось лежать человек по пять.

Все бы ничего, да заподозрил Иван, что пищальники не сами по себе, но по чьему-то злому наущению бунт устроили. И велел розыск учинить. В результате того розыска оклеветали перед царем бояр, князя Кубенского и братьев Воронцовых. Великий же князь, сам давно бояр этих ненавидевший, только и рад был. Бояре эти ведь сподвижниками Шуйских были. И приказал казнить их, безвинных.

КАК ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МОСКОВСКИЙ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ЦАРЕМ СТАЛ

...Не мальчик, но шестнадцатилетний юноша стоял нынче, 16 января 1547 года, перед иконами в Успенском соборе. Он уже не боялся грозных икон, хотя и верил в заступничество матушки-Богородицы. Потому и стоял спокойно, свободно и горделиво. Да и как не возгордиться! Его, великого князя Московского Ивана Васильевича, венчали сегодня на царство. Он становился первым русским царем.

И ведь ни дед его, государь Иван III Васильевич, освободитель от ига татарского, ни отец, Василий Иванович, не решились принять на себя царское звание. Уж как их увещевали-уговаривали, в бумагах дипломатических царями величали. Но нет — оставались и дед, и отец Ивана IV Васильевича великими князьями.

Юноше Ивану нерешительность эта даже смешной ныне казалась. А вот он решился, ни кого и не спросясь. И он радовался своей решимости. Так только и должен поступать великий государь — все делать по собственному желанию. Ему было приятно вспоминать, как с месяц назад вызвал он к себе митрополита Макария и бояр и заявил уверенным голосом:

Великий князь Московский Иван III. На монетах Ивана III была надпись: «Государь всея Руси». Государь значит князь, правитель, глава страны.

Русские государи до 1547 г. носили титул «великий князь» — старший среди других князей. Этот титул считался более низким по своему достоинству, нежели титулы «король», «царь» или «император», которыми обладали государи соседних с Русью держав.

В XV в., после освобождения Руси от татарского ига и гибели Византийской империи, Русь стала единственным независимым православным государством. Вот и возникла необходимость установить для московских государей новый титул — «царь». Само слово «царь» происходит от имени древнеримского императора Гая Юлия Цезаря. В России титул «царь» дополнялся титулом «самодержец».

В «Сказании о князьях владимирских» сообщается, как шапка Мономаха стала символом царской власти.

Византийский император Константин IX Мономах послал к великому князю Владимиру Всеволодовичу (1053—1125) послов с дарами и приглашением венчаться на царство. Послы вручили Владимиру крест и знаки монаршей власти. «И с этого времени князь Великий Владимир наречется Мономах, царь великая России», — сообщает об этом повесть «Сказание о князьях владимирских».

Как установили историки на самом деле «шапка Мономаха» была изготовлена позже, в конце XIII — начале XIV в.

— Хочу поискать прародительских чинов, как наши родители, цари и великие князья, и сродник наш великий князь Владимир Всеволодович Мономах на царство, на великое княжение садились. Я также этот чин хочу исполнить и на царство, на великое княжение сесть.

Сказал так, а сам смотрит острым глазом: ну-ка, кто из бояр перечить попробует? Те удивляются, с ноги на ноги переминаются — не бывало такого на Руси! Но и слова поперек сказать боятся. Помнят, помнят, как великий князь с Шуйскими да Воронцовыми обошелся. То-то же!

Тут митрополит Макарий обрадовался: государь столь молод, а между тем ни с кем и не советуется. И бояре одобрили государево решение. Да как не радоваться? Ждали ведь, ждали на Руси государя, который царем назовется и волю Божию тем самым исполнит. Со времен великого князя Василия Ивановича говорили: воля государя есть воля Божия,

что бы ни сделал государь, он делает это по воле Божией.

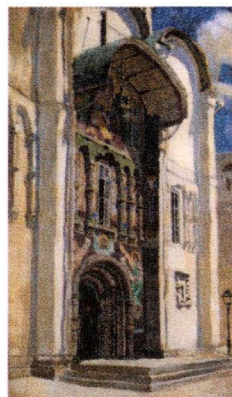
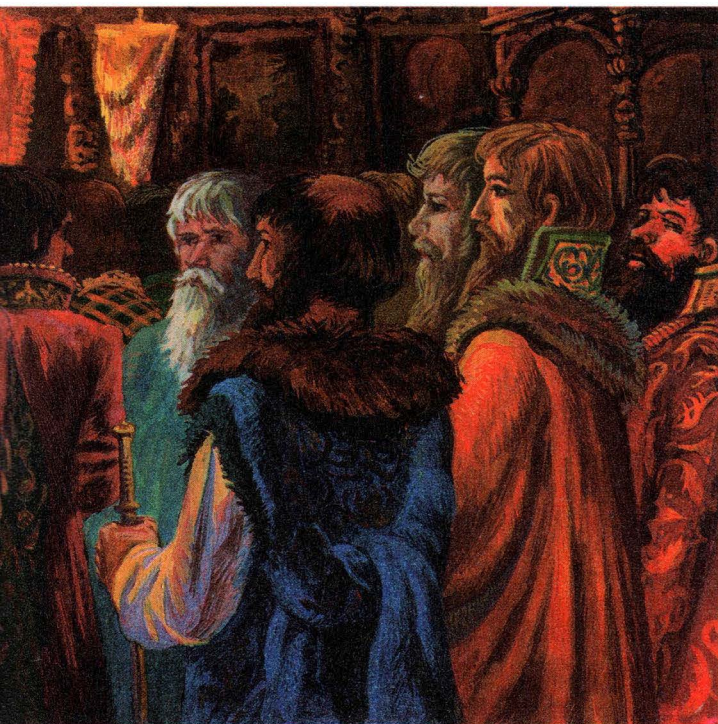
А самого государя величали «ключником и постельничим Божиим» и вообще верили, что он — «свершитель Божественной воли».

И вот стоял теперь Иван Васильевич в Успенском соборе и с юношеской непоседливостью переживал обряд венчания на царство. А митрополит-то не торопится, степенно все совершает. Иван же Васильевич подгоняет его мысленно: «Скорее! Скорее!» Уж очень не терпится царем стать и еще выше над всеми боярами вознестись. Да что там над боярами — над всем светом!

Мало того, что титулом и достоинством он теперь равный самым знатым монархам в мире. Но Иван Васильевич становился первым царем всего православно-

Одним из знаков царской власти стала «шапка Мономаха», которая заменяла собой корону.

В. Поленов
«Успенский собор.
Южные врата»

Успенский собор — главный храм Москвы и всей России. Поставлен в честь праздника Успения Богородицы. Он отмечается 15(28) августа как день кончины Божией Матери и называется Успением («засыпанием»), потому, что Божия Матерь умерла тихо, как бы уснула, и через три дня была воскрешена

Господом и вознесена на небо. Успенский собор был основан в 1326 г. и построен за семь месяцев. К концу XV в. он обветшал и, по указанию великого князя Ивана III, был отстроен заново. Для этого из Италии был приглашен архитектор Аристотель Фиораванти, который начал постройку собора в 1475 г. и окончил в 1479 г. Успенский собор — символ единства и могущества Российского государства, ведь Богородица почитается как главная покровительница Русской земли. С конца XV в. именно в Успенском соборе венчались на престол все русские государи. Здесь же похоронены почти все митрополиты и патриархи Русской Православной Церкви.

Ф. Алексеев
«Соборная площадь в Московском Кремле»

го люда! А значит, сам Господь полагал его, и только его, Помазанником на земле и защитником правой веры! И свершилось чаяние русское многолетнее: построить на Руси государство великое — Третий Рим, во главе со вселенским православным царем.

Наконец митрополит Макарий помазал лоб, глаза и грудь Ивана Васильевича миррой, проговорил слова торжественные и возложил на плечи ему золотую цепь — бармы, а на голову шапку Мономаха.

«Я — царь!» — так и закричало все существо Ивана Васильевича. Кровь прилила к лицу его, а руки задрожали от волнения и охватившего его восторга. Но он справился с собою и дрожь в руках унял. Негоже царю чувства на людях показывать. Они, завистники, подумают еще, будто он простой смертный. Потому Иван Васильевич неторопливо — а куда теперь торопиться-то! — повернулся к стоящим в храме, и каждое движение его дышало горделивым достоинством. Лишь глаза,

горевшие жаркой радостью, выдавали его...

Двадцати дней не прошло со дня венчания Ивана Васильевича на царство, как 3 февраля 1547 года состоялась царская свадьба. Жениться государь тоже сам решил, без всякого совета. А вот невесту искали уже всем миром, даже грамоту специальную разослали по областям, созывая незамужних девушек на специальный «смотр» невест. Царев выбор пал на Анастасию Романовну Захарьину-Кошкину. Она и стала царицей.

И вдруг, как гром небесный с ясного неба, начались в Москве пожары. 12 апреля — пожар, 20 апреля — другой. В июне же Москва так запылала, как и не случалось ранее.

Загорелась поначалу церковь на Арбате, и потек огонь, как молния быстрый и беспощадный, и спалил на западе все до Москвы-реки. Потом Кремль занялся — царский двор, Благовещенский

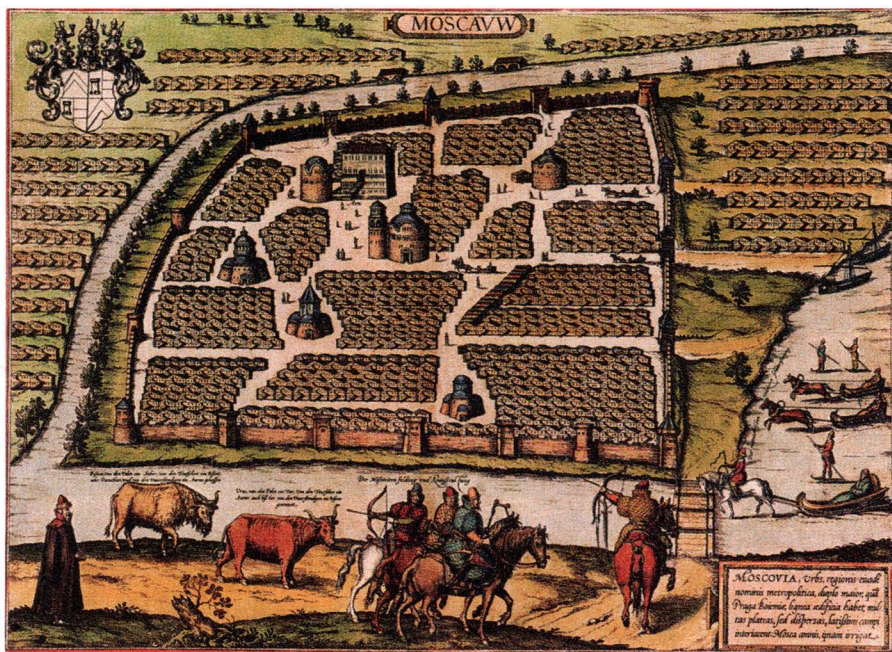
собор, Оружейная палата, Постельная палата с казною, двор митрополичий. Чудов и Вознесенский монастыри дотла спалило. Только в Успенском соборе и уцелел иконостас, в остальных храмах все внутри выгорело.

Царь-то в это время с семьей в подмосковном селе Воробьево жил. А вот митрополит Макарий чуть было от дыма не задохнулся — его со стены кремлевской к реке на канате спускали, канат оборвался, митрополит упал и расшибся сильно. Едва жив остался.

И пошел гулять огонь-разбойник по Москве: Неглинная, Рождественка, Покровка, Мясницкая, Китай-город —

С. Герберштейн дважды побывал в России с дипломатической миссией в начале XVI века. План Москвы в 1520-х годах был помещен в его книге. На гравюре изображены: сам князь; всадники в полном вооружении воинов; сани и лыжи — средства передвижения в зимнее время. А еще — тур и зубр, обитавшие в лесах, близких к границе с Литвой.

почти весь город выгорел. Двадцать пять тысяч дворов! Народу погибло — тысячи.

Возмутились москвичи, бунт подняли. Кричали на улицах:

— Кто в горе лютom виновен?! Кто поджег Москву?!

А тут кто-то и слушок пустил: это родственники покойной матери царя, Глинские, на город порчу навели. Глинских-то в народе не любили, уж больно они, к царю приближенные, простых людей притесняли. Да еще бояре, царя страшившиеся, москвичей против Глинских подстрекали. И зашумела толпа, собравшись пред Успенским собором:

— Княгиня Анна Глинская со своими детьми колдовала: вынимала сердца человеческие да клала в воду, да тою водою, езда по Москве, кропила! Оттого Москва и выгорела!

И набросилась толпа на дядю царя, Юрия Глинского, и убила, а потом и слуг его, и чужих людей без счету перебила. В Воробьево кинулся народ московский, кровью и горем разъяренный, — бабу цареву, Анну Глинскую, убивать.

Только слуг царя и испугались — вышли те к толпе, схватили крикунов и казнили. Остальные со страху-то и разбежались.

А юноша-царь Иван Васильевич поражен был бедами московскими до самых глубин души своей:

Собор — собрание светских и духовных чинов, представителей всех сословий для решения государственных дел. Их называли «советом всея земли» или Земскими Соборами. Они созывались по мере необходимости. Земский Собор 1550 г. был первым в истории России. Стоглавый Собор — церковно-земский собор, на котором был принят сборник решений, состоящий из ста глав. Поэтому сборнику получил свое название и сам Собор. Судебник — название сборников законов. Первый Судебник в Московском государстве был принят в 1497 г. при Иване III.

— Страх вошел в мою душу.

Не мог царь понять: почему напасть такая на город его первопрестольный навалилась? Что не так?

В эти минуты трепета душевного явился к царю священник Сильвестр. Именем Божиим обличил он царя в нерадении о царстве своем. Заклинал его спасти народ православный от окончательной гибели. Грозил царю Страшным Судом Божиим. Требовал прекратить бесчинства и насилие, искоренить вражду и неправду. К тому же еще и про чудеса, и как бы про видения от Бога царю поведал.

И поверил царь Иван Васильевич обличителю своему Сильвестру. Увидел он вдруг, что пожары и бунты — это наказание Господнее за грехи его, грехи царские. Кара царю за то, что принял Иван на себя звание высокое, но правит страной по-прежнему — бездумно и преступно. Даже матушка-Богородица, заступница перед Господом, помочь не может, коли сам царь неправедно живет. Так и говорил царь Иван Васильевич:

— И каких казней не послал на нас Бог, приводя нас на покаяние!

Смирился царь Иван Васильевич духом, признал прегрешения и покаялся в них.

КАК ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ «ИЗБРАННЮЮ РАДУ» УЧРЕДИЛ

...Потеплело в Москве. Февральский снежок на улицах уже и рыхлеть стал. Только утренний морозец корочкой-настом сверху его прихватывает, а днем солнышко пригреет, глядишь, уже первые несмелые ручейки дорожку себе пробивают. Весна скоро.

Но бояре, воеводы, дети боярские, дворяне, люди духовного сословия, съехавшиеся этим воскресным февральским утром 1549 года в Москву, одеты в шубы богатые, жаркие да в шапки мехом подбитые. Февраль — месяц с характером. Сегодня птицы щебечут, а на другой день такой мороз грянет, такая вьюга заиграет, что не приведи Господь!

Вот и стоят люди знатные в Кремле, возле Лобного места, пот со лбов рукавами утирают, а промеж себя рассуждают:

— Э-хе-хе! Всегда и во всем этак на Руси выходит: нынче весело и вольготно, завтра последнюю шкуру с тебя сдерут! Сегодня пан, а через день — пропал! И ведь не угадаешь, в какую сторону поворотиться надобно! Прости нас, Господи, за грехи наши!

Съехались они все в Москву не по своей воле. Царь приказал собраться выборным от каждого города всякого чина-словесия на Собор. Царев приказ, что Бога наказ. Теперь вот ждут и гадают: как оно все повернется?

Зазвонили колокола — это царь Иван Васильевич праздничным чином к Лобному месту выходит. Бояре и дворяне, особенно не московские, из дальних мест прибывшие, шеи из воротников собольих да лисьих тянут: когда еще царя увидишь!

А впереди царя кресты и хорутви несут, рядом с царем митрополит Макарий шествует. Взошли они на Лобное место, и митрополит молебен совершать принялся. Молились все с душой, добра себе и царю желая, помощи от Господа в делах государственных испрашивая.

После молебна государь Иван Васильевич говорить начал. Слушали его внимательно, но все равно опять шеи тянули: не только царя, а и еще кой-кого разглядеть хотят. И поперед всего — их, новых советников царских. Шепчут на ухо друг другу, локтями подталкивая:

— Вона, гляди-ка, Адашев Алексей!

— Это который же Адашев? Тот, что теперь все челобитные на имя государево принимает? Первый государев советчик?

— Он самый. А рядом, видишь, Сильвестр.

— Где, где?

— Да по правую руку от государя в черной рясе стоит, недалеко от митрополита. Высоко он вознесся — духовником царским стал.

Духовник — фигура немалая: он с царем о душе беседует, исповедует его. Все тайны царские у него как на ладони. Сильвестр-то и сам характером силен, умом богат и в намерениях тверд. Он царю такое сказать может, за что другого бы на дыбу отправили. И слова, которые сейчас царь говорил наверняка Сильвестром

ему вразумлены. Слова-то для царя раньше необычные:

— Люди Божии и нам дарованные Богом! Молю вашу веру к Богу и к нам любовь. Молю вас, оставьте вражды и распри. В этих делах и в новых я сам буду вам, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды устранять и похищенное возвращать.

И обещание дал государь Господу и людям искоренить насилие и неправды, усердно делами государственными заниматься, править справедливо и творить добро. Расходились бояре и дворяне, да дети боярские из Кремля довольные — Собор-то и в самом деле примирению меж русскими людьми помочь должен. А когда народ русский соберется воедино под рукой справедливого царя, то и Третий Рим на Руси сообща поставит.

Но кое-кто и укороток своей радости давал, тревожился — мир-миром, а всяко бывает. Нынче царь ласков, а завтра грозен. Февраль месяц — баловень...

И установилось в государстве Русском новое правление. Царь приблизил к себе людей, может, и не славных родом, но делами государственными озабоченных.

Прозвали советников этих «Ближней думой», по-другому, «Избранной радой».

Алексей Адашев, именем государевым, стал в стране порядка наводить. Законы исправлял, суды справедливые устанавливал, воров-лихоимцев наказывал.

Наместников царских, которые по разным городам сидели, укрощать начал. Они-то при боярском правлении совсем волю себе взяли. И царь, по молодости, этому даже способствовал.

Вон, к примеру, приехали летом 1547 года к царю семьдесят псковичей на наместника царского жаловаться. Нашли Ивана Васильевича в селе его подмосковном. И уж не ведает никто, что там случилось, чем они государя рассердили-разгневали. А только он не то что слушать их не стал. Если бы! Начал вином их горячим поливать, бороды им палил, волосы свечою зажигал. А потом велел раздеть и нагими на землю положить.

И вряд ли бы они в Псков живыми вернулись, кабы не случай. Упал в те

дни в Москве большой колокол, царь-то и уехал в столицу тотчас же, про жалобщиков забыл. Только этим и спаслись они, горемычные. Ну-ка? Приедут заново жаловаться? Так-то вот.

Стараниями же Алексея Адашева вышел царский указ: во всех городах и селах определить выборных от народа простого. Должны эти выборные за делами наместническими следить, справедливость соблюдать, налоги-подати проверять. И вообще наблюдать за порядком и тишиной.

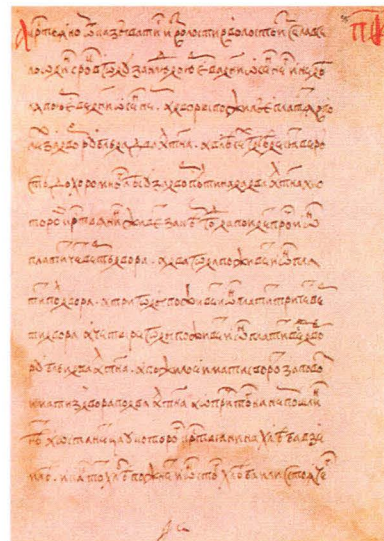
А чтобы не забывали на Руси справедливости, приняли в 1550 году всем миром на Земском соборе Судебник. В нем-то все законы и были прописаны.

Сильвестр, тот больше делами церковными занимался. Тут они рука об руку с митрополитом Макарием трудились. Да и как не трудиться? Когда изыскиали они, как люд православный веру отцов своих соблюдает, так ужаснулись!

С. Иванов. «В Приказе московских времен»

Судебник 1550 г.

Множество священников даже грамоте необучены. В монастырях же не столько о хлебе духовном заботятся, сколько о богатстве собственном. А что ж тогда с простых людей спрашивать? Не оттого ли в селах и деревнях в божков языческих верить продолжали? Не оттого ли многие из тех, кто в храмы православные ходили, даже креститься правильно не умели?

А без веры, без надежды на помощь Божию, без любви христианской Русь стоять не может!

Вот и устроили по велению государя в 1551 году Собор, церковным делам посвященный. Собор этот, Стоглавым прозванный, учредил правила, по которым благочиние церковное устанавливать должно было.

А Сильвестр со товарищи к тому же книгу отдельную для людей написали — «Домострой». В этой-то книге и советовали они православным: как семью вести, детей воспитывать да как жизнь свою поставить, чтобы Господь за жизнь такую спасение даровал.

Но более всего озабочен был Сильвестр другим. Как укрепить царя Ивана Васильевича в добрых начинаниях? Как построить в сердце государевом такую

«крепость духовную», чтобы выдержала она натиск желаний коварных — властолюбия, жестокости, своеволия? Чтобы любовь христианская в сердце царя правила!

Ведь благочестивый православный государь должен не волю свою тешить, но государство и весь народ русский к славе вечной вести. Иногда при этом волей собственной и желаниями поступаясь во имя интересов общих.

И, слава Господу, строилась та «крепостица», любовью христианской освящаемая, в душе Ивана Васильевича.

И ведь лучше стало жить на Руси! Своеволье боярское и наместническое уняли, а народу простому послабление вышло. Распри и лихоимства прекратились — подати лучше собираться стали. Денег в государстве прибавилось — армию укреплять начали, создали полки новые, огнестрельным оружием снабженные. Назвали солдат стрельцами.

А еще церкви новые строили, города укрепляли. Вызывали для того из чужих земель мастеров рукодельных, сведущих в науках и искусствах. И своим мастерам работы прибавилось.

Этак и вправду расти-расцветать стала Русь!

Окружение И

Алексей Федорович Адашев (?—1561) происходил из богатого костромского дворянского рода. Стал одним из главных советников Ивана IV, инициатором многих реформ.

Малюта Скуратов (Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский) (?—1573) — выходец из незнатного дворянского рода, выдвинулся в самые первые годы опричнины. Ревностно исполняя все приказы царя, Малюта вскоре стал его ближайшим сподвижником. Возглавив опричное войско и сыскное дело, принимал активное личное участие в массовых расправах.

Шуйские — знаменитый княжеский и боярский род, который играл большое значение в истории России в XV—XVII вв.

Шуйский Иван Васильевич был фактическим правителем в государстве в 1538—1540 и 1542 гг. **Шуйский Андрей Михайлович** (?—1543) — родственник И.В. Шуйского. В годы правления Елены Глинской был заключен в тюрьму, освобожден в 1540 г.

Ивана Грозного

Сильвестр (?—1566) — священник московского Благовещенского собора, духовник Ивана IV с конца 40-х годов XVI в.

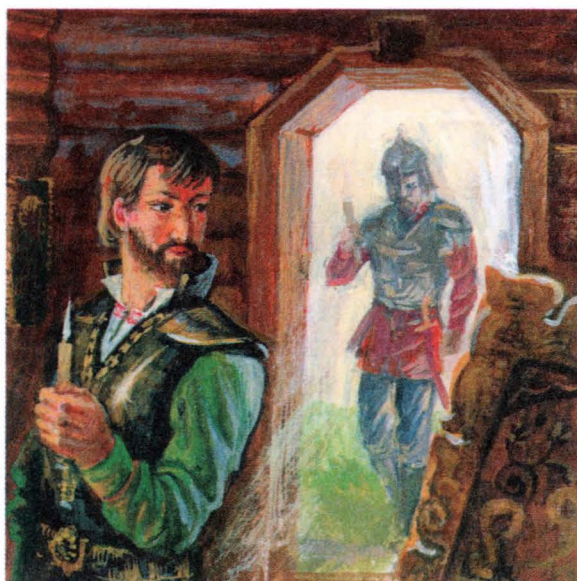
Борис Федорович Годунов (ок.1552—1605) — крупнейший государственный деятель, выдвинулся в годы опричнины. После смерти Ивана IV был фактическим правителем России при царе Федоре Ивановиче. В 1598 г. стал русским царем.

Нагие — боярский и дворянский род, возвысившийся в годы опричнины. **Мария Федоровна Нагая** (?—1612), последняя жена Ивана IV, была сестрой Афанасия Федоровича Нагого, приближенного царя.

Глинские — княжеский род из Литвы. В России оказались в начале XV в. После того, как Елена Глинская стала великой княгиней, оказывали значительное влияние на государственные дела.

КАК ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ КАЗАНЬ-КРЕПОСТЬ ВЗЯЛ

...И запел дьякон, Евангелие читать оканчивая:

— И будет едино стадо и один пастырь.

Вдруг раздался гром, небывалый по силе своей, земля задрожала и показалось, что даже храм, во имя святого Сергия возведенный, в котором обедню служили, не выдержит земного трясения. И было это в день воскресный, 2 октября 1552 года.

Поднялся царь Иван Васильевич с колен, прервал службу церковную и из храма выступил. Увидел он, что взорвана крепостная стена города вражеского. Да так, что бревна и люди летят по воздуху. Перекрестился государь и в храм возвратился, службу стоять далее. Хоть и молод был Иван Васильевич, но набожен и богобоязнен.

А вскоре дьякон и молитву о царе читать принялся:

— Покорите под нозе его всякого врага и супостата...

Только слова эти произнес, как второй взрыв раздался, пуще первого. И множе-

ство казанцев в воздухе виднелось — кого пополам разорвало, а кто без рук, без ног остался.

И закричало войско русское:

— С нами Бог! С нами Бог!

И пошло на приступ решительный. Сеча началась жестокая. Не разберешь уже, где свой, где чужой. Знай только — руби саблей, коли пикой, да щитом от удара вражеского беспощадного прикрывайся.

Государь же, пока бой разгорался, стоял перед иконами. А иконы те неспроста здесь, под Казанью, оказались. По приказу царя, их из самого Троицкого монастыря привезли. Первая икона — «Троица». Другая — «Явление Богородицы Сергию».

На него, на Сергия-чудотворца, уповал Иван Васильевич. Верил он, что заступится за него Сергей перед Матушкой Богородицей. А та уж и перед самим Господом защитит царя русского и все его войско.

И молился Иван Васильевич, веря искренне: поможет Сергей, не оставит в минуту трудную. Как когда-то, перед битвой Куликовской, благословил он пращура Ивана Васильевича — великого князя Дмитрия Ивановича — на сечу с татарами погаными. Так и нынче не оставит.

Вон ведь, донесли лазутчики из Казани самого Сергия, с небес спустившегося. Ходил он, похаживал по городу да метлой сор и пыль выметал. А потом и слова его будто бы слышали:

— Утром у меня здесь будет много гостей.

Так что ждет святой Сергей царя русского в Казани.

Но пока что злая битва только начинается. И трудно войску русскому, удача то на одну, то на другую сторону склоняется. И кажется кому-то: должен государь скорее в порядки передовые приехать. Не то отступятся русские от города.

Вбежал один из ближних людей государевых в храм и сказал царю:

— Государь! Время тебе ехать — полки ждут тебя!

Поворотился к нему царь Иван Васильевич, звякнув доспехами воинскими, перед битвой одетыми. Поглядел недовольно на гонца: кто такой, чтобы царя от молитвы отрывать? Неужто думает, что царево дело — саблей размахивать? А разве не царь только и может у Господа победу вымолить? Больше-то некому!

Потому и сказал, голосом терпеливым, но сквозь который недовольство слышалось:

— Если до конца прослушаем службу, то и совершенную милость от Христа получим.

Но не верит до конца сердце людское в Слово Божие. Едет второй вестник:

— Непременно нужно ехать царю, надобно подкрепить войско.

Вздыхнул Иван Васильевич тяжело: слаб человек! Мнится людям, что сами

они дела все делают, забывают о Господнем промысле. И вновь пришла мысль, еще с детских лет царя беспокоившая: «А может, и в самом деле, никто не понимает Господа, кроме меня? И вправду — только я с Господом разговариваю и лишь меня Он благодатью Своею осенил?»

Даже сердце зашлось у Ивана Васильевича от мысли такой дерзновенной: он один, кто понял замысел Божий!

Полились из глаз его слезы горючие — и от радости, и от страха. Радость-то ясная — от доверия Господа. Но и страх от того же — как-то он Господние заветы исполнить сможет.

Припал-приложился Иван Васильевич к образу Сергия-чудотворца и сказал слова заветные:

— Не остави мене, Господи Боже мой! Не отступи от мене, вонми в помощь мою!

Встал Иван Васильевич, вышел из храма. Молитва-то искренняя плечи ему расправила. Иван Васильевич и так уж высок ростом, ладно сложен, с широкою грудью, а сейчас прямо-таки царь-богатырь. Слуги доспехи его поправили, шелом протянули. Сел он на коня и поскакал к городу.

А на стенах-то города уже знамена русские развеваются! Только и осталось полку царскому добить неприятеля. И подумалось Ивану Васильевичу: «Вот она, сила молитвы моей, государевой!»

Пала Казань, стольный город царства Татарского. Четыреста долгих лет ждала Русь победы этой. Великий князь Дмитрий Иванович почти двести лет назад в первый раз разбил рать татарскую. Семьдесят лет назад великий князь Иван III Васильевич сумел из-под дани басурманской выйти. Но лишь ему, царю Ивану IV, татары на милость сдались и покорились. Свершилось!

И разве не знак это высшей благодати Господней?!

«Вот оно дело-то главное царское! — уверился в мыслях Иван Васильевич.

Н. Рерих. «Покорение Казани»

— Перед Господом быть заступником! Богом избранный, я великий царь православный, могучий! А эти...»

Оглядел царь Иван Васильевич слуг своих, бояр и воевод, рядом с ним на холме перед Казанью стоявших. Да кто они рядом с государем? Так, людишки мелкие, Божиего промысла не ведающие. Не то что он — спаситель от врага, покоритель царства Татарского, помазанник Божий! Одно слово — самодержец...

Чем дальше, тем больше утверждался царь в том, что только он один и есть владетель царства своего. И в том еще, что не признают новые советники царские в Иване Васильевиче Божиего избранника!

После взятия Казани, к примеру, государю устроили в Москве прием неподобающий. Как будто это они, бояре и воеводы, татар покорили, а не он, Иван Васильевич, у Господа победу вымолил.

В марте же следующего, 1553 года и вообще чуть не предали Ивана Васи-

льевича. Заболел государь, тяжело заболел, уже и к смерти готовился. И повелел он боярам присягнуть малолетнему сыну Димитрию на верность.

И что же, разве присягнули те с радостью? Как бы не так! Ссылались стали с двоюродным братом царя Василием Андреевичем Старицким. Его на престол царский, видите ли, посадить хотели. И ладно бы бояре старые, на Ивана Васильевича обиженные, такое сделали. Так ведь и Сильвестр, и Адашев Алексей, царем обласканные, и те не сразу присягнули. Сомневались, умники!

И заподозрил царь: Сильвестр-то, небось, выше царя почитать себя стал. Дело духовное признавал важнее царской власти. И Адашев туда же — на власть самодержавную покушается.

Иван Васильевич счел это за предательство и с опаской стал смотреть на ближних советников.

А тут и еще одно событие! Во время болезни дал Иван Васильевич обет Господу: коли выздоровеет, то поедет вместе с семь-

ей на север, в Кириллово-Белозеров монастырь, помолиться мощам Кирилла-чудотворца. Кирилл ведь учеником самого Сергия Радонежского был и очень на Руси почитался. А ближние советники поезде этой воспротивились, царя отговаривали. Негоже, мол, государю ради личных дел от забот государственных отрываться.

Но царь их не послушался, а только еще более разобиделся.

По дороге же в Кириллов монастырь заехал он в монастырь Троицкий. Жил

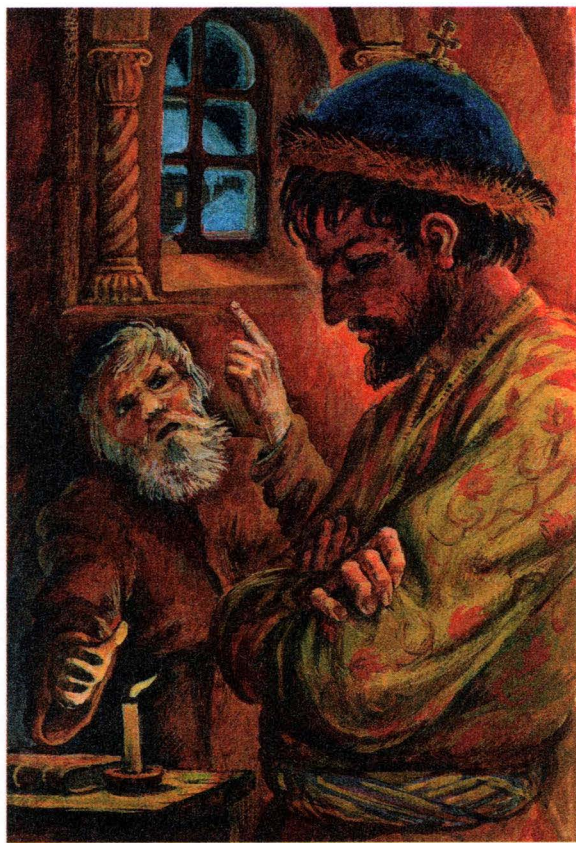
там старец-мудрец, известный на весь мир православный, — Максим, по прозвищу Грек. Просил Иван Васильевич совета у Максима: как ему далее жить?

Максим же Грек одних мыслей был с Сильвестром. И сказал царю, что не должен он в Кириллов монастырь ехать, а лучше пусть за всех, кто под Казанью погиб, помолится. Максим Грек и ранее советы такие царю давал. Мол, государь о всем народе думать обязан, умных советников слушаться, а не своевольничать. И еще велел передать царю пророчество угрожающее: коли ослушается Иван Васильевич его совета, то погибнет вскорости царевич Димитрий.

Не послушал государь и Максима Грека. Дальше отправился — под Дмитров, в Песношский монастырь к другому старцу — Вассиану Топоркову. И услышал от Вассиана такие слова:

— Если хочешь самодержцем быть, не держи возле себя ни единого советника, более мудрого, чем ты, поскольку сам ты — всех лучше. Тогда будешь прочно сидеть на престоле и всех будешь держать в руках своих.

*Мастер круга Дионисия.
«Кирилл Белозерский в рост с житием». XVI в.*

Ах как ждал Иван Васильевич слов этих, ему радостных! Вот оно — истинное Слово Божие, старцем православным произнесенное! И поцеловал государь руку старца Вассиана и сказал:

— Если бы и отец мой был жив, то и он такого полезного совета не подал бы мне!

Отправился царь в Кириллово-Белозерский монастырь и настигло в дороге его горе горькое — умер царевич Димитрий. Сбылась угроза-пророчество Максима Грека!

И разгорелась обида в душе Ивана Васильевича пуще прежнего!

Так вот и треснула «крепость духовная», столь тщательно Сильвестром в сердце царя возводимая. Треснула и по камешку, по кирпичику разваливаться начала.

Стал государь отдалять от себя и Адашева, и Сильвестра. Все чаще советы их ему не нравились. Видел в них он покушение на власть самодержавную.

Вот, покорили русские войска в 1556 году царство Астраханское. Расправилась Русь крылья, расширилась до пределов, ранее небывалых. На восток — до Уральских гор, на юг — аж до моря Каспийского! И ведь дальше расти хочет! Столько сил в себе накопила!

Сильвестр и Адашев настаивали, чтобы успехи на юге развивать — завоевать Крымское царство. Уж больно крымчаки набегами рубежи русские беспокоили. До Тулы, а то и до самой Москвы, доходили их полчища!

Но царь Иван Васильевич мнения советников не послушался. Почему только Крым? Ему, царю великому, и Европа надобна! И, как не противились Сильвестр и Адашев, начал в 1558 году войну за земли ордена Ливонского, которые в Прибалтике были. Земли эти издревле ведь Руси принадлежали. И с Крымом войну в те же годы затеял.

После завоевания Казани Россия получила возможность осваивать новые земли на востоке и на юге от р. Волги. Возникали поселения крестьян, ремесленников, казаков. Появлялись новые города. Чтобы защищать их, русским людям постоянно приходилось воздвигать укрепления. В XVII в. этот оборонительный пояс получивший название «Черты», состоял из Большой, Передовой, Белогорской, Симбирской, Закамской, Изюмской, Сызранской, Исетской засек и достигал 1800 км.

Так вот и становился царь Иван Васильевич все больше самодержцем единовластным. Советов же слушался тех, которые ему нравились.

А Сильвестр и Адашев Алексей попали в опалу. После же того, как в 1560 году умерла царица Анастасия, их ложно обвинили в ее отравлении. И сослали подальше из Москвы. Адашев умер на следующий год. Сильвестр, в монахи постриженный и в Соловецкий монастырь отправленный, пережил друга всего-то на пять лет. А еще ранее, в 1563 году, митрополит Макарий преставился.

Вот и рухнула «крепость духовная», на любви христианской устроенная, в сердце государевом. И некому было ее заново возводить. Но не осталось сердце Ивана Васильевича пустым — Страх Божий возродился в нем. На страхе и держалась его власть.

КАК ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫМ СТАЛ

Суетно в Москве было 3 декабря 1564 года. С разных концов города съезжались к Кремлю столичные бояре, дворяне, приказные люди. Да не просто съезжались — собирались основательно, скарб домашний везли. И жен, и детей, сажали в сани и отправлялись в Кремль.

А дворянам и детям боярским из других городов велено было явиться в Москву со всеми их людьми, конями и полным воинским снаряжением.

И в Кремле, возле царского дворца, суета да беготня. Кто-то из царских слуг несет иконы и кресты, золотом и камнями драгоценными украшенные. Другие укладывают в сани золотые и серебряные сосуды. А вон тащат согнувшись тяжеленные сундуки. Сундуки те набиты деньгами и камнями драгоценными. В них же сложена одежда царская.

Бегают слуги царские, а сами нет-нет да и перебросятся словцом. И словцо то удивленное:

— Господи Иисусе! И что же это удумал государь? И зачем ему, раз уж он в село Коломенское собрался, все добро увозить,

А. Васнецов

«Улица в городе». Эскиз декорац к опере П.И. Чайковского «Опричник»

всю казну, да еще столько бояр и дворян со всеми их семействами?

Разговоры разговорами, а мамки-няньки уже и сыновей царских к саням ведут — и старшего Ивана, наследника царского, и младшего Федора. За ними спускается по крыльцу новая жена государя — царица Мария Темрюковна. Была она дочерью князя Черкесского.

А скоро и сам Иван Васильевич появился. Вышел он из церкви после молебна. Идет быстро, не смотрит ни на кого. На глаза ему лучше и не попадаться, а то ведь под горячую руку не пожалеет!

Сел Иван Васильевич в сани, закутался в шубу поплотнее, зыркнул быстрым глазом вокруг себя. Даже слова никому не сказал. Только головой кивнул. И тронулся потихоньку царский выезд. Заскрипели полозья, запосвистывали возницы, заржали кони, оскальзываясь в снегу копытами. А вслед царскому выезду и остальные потянулись.

А государь Иван Васильевич, и в самом деле, в смутные и тяжкие раздумья погружен. И пока в Коломенское ехал, да там две недели сидел. И потом, когда из Коломенского в Александровскую слободу подался, аж под сам Владимир.

Ни на минуту не оставляют царя сомнения и кручины. Кто он — самодержавный государь или слуга бояр своих? Как смеют они не слушаться его и измену творить?! Сколько ведь их за последние годы сбежало в чужие земли от его царского гнева!

Даже любимец царя, воевода князь Андрей Курбский, в Литву подался, предал ведь царя. А теперь шлет Ивану Васильевичу ругательные письма. Обвиняет Курбский государя в том, что преступил Иван Васильевич законы христианские, начав гонения на ближних своих. Горько сожалеет, что забыл государь уроки Сильвестра — вместо любви сердечной тешит гордость непо-

мерную. Отказался, мол, от советников добрых и беззакония ныне творит.

Не хотят бояре да дворяне признать над собою власть царскую! Даже на предательство готовы. Курбский уж и войско литовское возглавил, на Русь нападает.

И восклицает царь Иван Васильевич, своим раздумьям и князю Курбскому отвечая:

— Русские самодержцы изначально сами владели своим государством, а не

Андрей Михайлович Курбский (1528—1583) — князь, боярин, воевода. Один из ближайших советников Ивана IV времен «Избранной рады». В 1564 году, опасаясь расправы, бежал в Литву, после чего участвовал в войнах с Россией и Турцией. Автор посланий Ивану IV, в которых обвинял царя в устройении опричнины. Написал несколько философских и исторических сочинений.

их бояре и вельможи! И неужели это тьма — когда царь управляет и владеет царством, а рабы выполняют приказания? Зачем же самодержцем называется, если сам не управляет?

И удивляется Иван Васильевич: неужели не ясно всем и каждому, что это сам Господь проливает на Россию через него Свою Благодать! Так о каких еще советниках речь может идти?!

— Мы же уповаем на Божию милость, ибо достигли возраста Христова, и, помимо Божией милости, милости Богородицы и всех святых, не нуждаемся ни в каких наставлениях от людей, ибо не годится, властвуя над многими людьми, спрашивать у них совета...

Хмур государь, не спит ночами, меряет шагами комнатку в Александровской слободе. Тяжко даются Ивану Васильевичу его думы. За месяц, что он провел вдали от Москвы, изменился донельзя — постарел на глазах, волосы выпали и борода поредела изрядно! И не скажешь, что царю всего-то тридцать пять лет.

Но давно уже все решил для себя Иван Васильевич, потому и говорит он, пристукивая посохом об пол:

— Кто противится такой власти — противится Богу! Одержимы бояре

и вельможи злобесными желаниями, славы жаждут безмерно, чести и богатства и... гибели христианства!

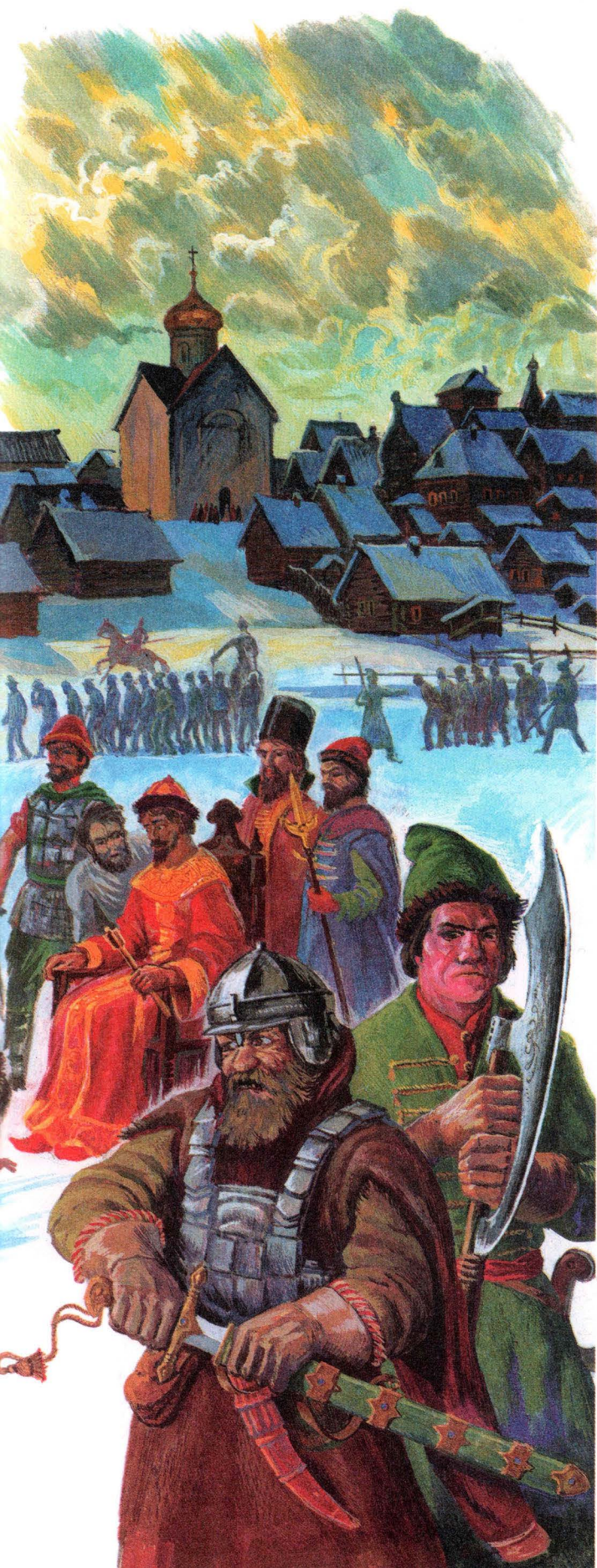
А раз так, то и бороться с боярами и вельможами нужно как с бесами — Страхом Божиим, огнем и мечом выжигать измену вере христианской.

И верит государь: он и есть истинный слугитель Господний. Царь-инок, царь-монах, игумен всей земли Русской. Монахи же, когда с бесами сражались, истязали себя, от пищи отказывались, годами жили в тесных пещерах, носили тяжеленные цепи-вериги.

А подвиг царский сродни подвигу иноческому. Даже выше. И говорит государь:

Опричниной (от слова «опричь» — кроме) ранее называлась часть княжеских земель, которые после смерти князя выделяли его вдове «опричь» всех уделов. В 1565 г. «опричь» всей земли выделился удел самого царя Ивана IV. Такого на Руси прежде не бывало, ведь государь противопоставил себя своему же собственному государству.

— Одно дело — спасти свою душу, а другое — заботиться о телах и душах многих людей.

И уверен царь Иван Васильевич, что подданные его — это такие же рабы и холопы его, как он сам раб и холоп Господний. И за всех за них ответит он на самом последнем, Страшном Суде:

— Верю, что мне как рабу, предстоит суд не только за свои грехи, вольные и невольные, но и за грехи моих подданных... И не сомневаюсь в милосердии Создателя, которое принесет мне спасение...

А они, люди несмышленные, не хотят этого понять. За жизни копеечные держатся. Вон, Курбский-собака, испугался царева суда. Но предательством своим отверг он вечное спасение! Ведь он смерти устранился, которую мог получить от царя — помазанника Божиего! Ибо только государь распоряжается телами рабов своих!

Вот и должен он, царь Иван Васильевич, начать святую войну против бояр-злобесников. И истязать тело свое. А тело его — вся Русь. А насилия бояться не след — ведь оно во славу, а не во вред... И, чтобы наказать противников Божиих, разделил государь всю Русь на две части — земщину и опричнину. Земщиной повелел править боярам, а опричнину взял себе.

Опричнина составила из отдельных сел, волостей и городов, даже только из частей иных городов. И были они рассеяны в разных областях и уездах. Москву тоже поделил на земщину и опричнину.

И собрал вокруг себя людей, которые опричниной управляли по царской воле. И войско отдельное создал — опричное. А чтобы опричников содержать, выселил людей земских из мест, которые вошли в опричнину, и отдал их земли и дома опричникам.

А в Александровской слободе установил государь настоящие монастырские порядки. Собрал он триста оприч-

ников и одел их поверх воинских доспехов в монашеские рясы, сочинил устав монастырский, а сам назвался игуменом. По утрам вместе с сыновьями звонил в колокол, в церкви читал службы и клал земные поклоны.

А всего было опричников до шести тысяч человек. Впрочем, большинство из них вели себя совсем не как монахи — пьянствовали, разбойничали. Да и к православным обычаям проявляли пренебрежение — могли войти в церковь с покрытой головой, громко смеяться во время службы. Много среди них было и иностранцев-наемников.

Подчинялись опричники только царю. И для устрашения непокорных возили с собой везде метлы, а к сбруе коней прикрепляли собачьи головы. И означало это: на все готовы опричники, чтобы выгрызть и выметать из Руси всех врагов царских.

И начал царь-игумен истязать Русь земскую, как истязал бы тело свое. Каждый, кого мог заподозрить царь, оказывался подвергнут пыткам и казнен. А уж как разоряли опричники земщину!

В конце 1569 года донесли царю, что новгородцы хотят перейти под власть польского короля. Разгневался государь и с опричным войском двинулся в новго-

родские земли. По дороге разгромил Клин и Тверь. А затем настал черед и Новгорода. Шесть недель, со 2 января по 13 февраля 1570 года, вершил Иван Васильевич в Новгороде царский суд. Архиепископа новгородского посадили в застенки и голодом морили. Пятьсот монахов и священников в железных оковах держали и с утра до вечера били палками, часто до смерти. Простых людей, обвиненных в измене, привязывали к саям, волокли к мосту через реку Волхов, бросали с него в воду, а потом топили копьями и баграми. Имуущество же церковей и горожан разграбили полностью.

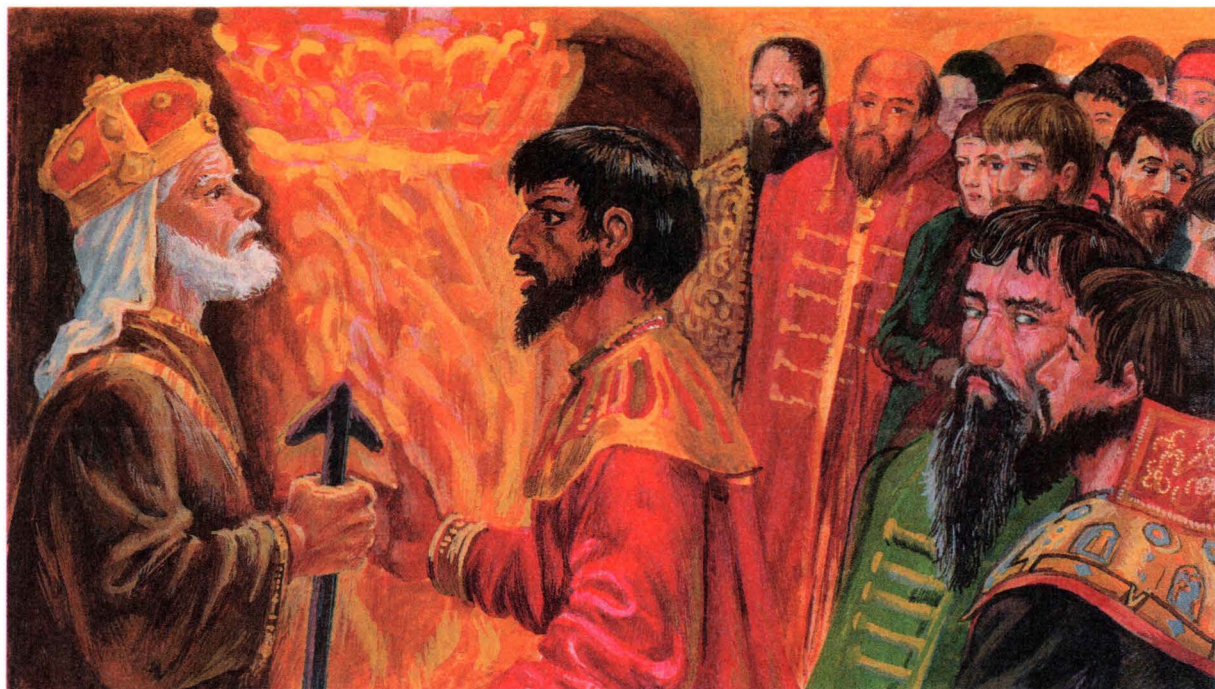
После же Новгорода опричное войско и Псков razорило. Да и по всей земщине такое же разорение творилось.

И затаилась Русь. В земщине чуть не каждый день ждали нового опричного набега. Грозен стал царь Иван Васильевич. Страхом Божиим наводил он власть свою на Руси, ибо мнилось ему — только страхом он может очистить Русь от скверны и Третий Рим построить. И говорили люди русские между собой:

— Попущением Божиим за грехи наши взъярился царь Иван Васильевич на все православие по злых людей совету. И учинилась ненависть царя в миру. Туго, туго стало жить на Руси!

В. Владимиров. «Казнь боярина»

КАК ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ С МИТРОПО- ЛИТОМ ФИЛИППОМ ОБОШЕЛСЯ

...Июля 24 дня 1566 года возводили бывшего игумена Соловецкого монастыря Филиппа в митрополиты. В Успенском соборе устроили особое возвышение и на нем установили два сиденья. С правой стороны — для государя, а с левой — для архиепископа Новгородского, старейшего в русской церкви. Перед возвышением начертали на полу большого орла с распростертыми крыльями. А по бокам от возвышения поставили длинные сиденья для епископов.

Перед торжественной литургией вывели нареченного в митрополиты Филиппа в полном торжественном облачении и поставили его на орла, на полу начертанного. И пели трисвятую песню, и рукополагали его в митрополиты.

По окончании литургии брали Филиппа под руки и вели на возвышение

посреди собора. Там три раза сажали его на место и возглашали:

— Исполла эти, деспота!

После этого митрополит разоблачился и возложили на него мантию, панагию и белый клобук. И отвели его на митрополичье место каменное, в Успенском соборе устроенное.

Тут приблизился к митрополиту государь и вручил ему архипастырский посох со словами:

— И жезл пастырства, отче, восприими, и на седалище старейшинства взойди и моли Бога и всех святых о нас и о наших детях, и о всем православии! И подаст тебе Господь Бог здравие и долголетствие во веки веков!

А митрополит Филипп ему отвечает:

— Всемогущая и вседержавная десница Вышнего да сохранит Господь Бог поставленное твое Российское царство, самодержавный царь и владыко! Здрав, здрав, здрав, добро твоя, владыко самодержец, многолетен!

После церемонии такой праздничной вышел митрополит из храма, сел на осла и поехал сначала во двор госуда-

рев, потом в собственный двор, а потом вокруг Кремля и всего города. Ехал он и благословлял народ. Впереди же шли два хора певчих и четыре свещеносца с пальмами...

А ведь еще четыре дня назад и царь, и архиепископы с епископами буквально понуждали Филиппа принять митрополичий сан. Горькое ведь это дело — быть в такое время митрополитом на Руси. Ибо не может церковь православная оправдывать опричные деяния. За три года, что прошли со дня кончины митрополита Макария, уже двое оказывались во главе православной церкви.

Сначала — духовник царя, инок Чудова монастыря Афанасий. Но опричный разгул сломал волю его, подточил силы и оставил Афанасий митрополию 19 мая 1566 года, вернулся в монастырь.

Затем уговорили Германа, архиепископа Казанского. Так Герман даже митрополитом стать не успел! Два дня пробыл он на митрополичьем дворе, не решаясь принять на себя тяжкое бремя. И не выдержал — стал по-отечески просить царя отменить разделение Руси на земщину и опричнину. Вот и велел государь прогнать Германа со словами:

— Еще и на митрополию не возведен, а уже связываешь меня неволей!

И Филипп, игумен Соловецкий, долго отказывался быть митрополитом, требовал, чтобы царь Иван Васильевич отменил опричнину. Государь условия этого не принял. Но уж и то хорошо, что согласился советоваться с митрополитом, как советовались отец его и дед.

Однако слово словом, а дело-то делом. На какое-то время утихомирился государь Иван Васильевич. Но и полутора лет не прошло, как зимой 1567—1568 года вновь разгорелась опричная вольница.

Государь как раз из неудачного похода на Литву вернулся. И лют был страш-

но. А каков царь Иван Васильевич в гневе — дело известное. Вот и покатились снова головы бояр, обвиненных в измене. А опричники опять по городам и весям разбойничать пустились.

И снова молва народная возопила:

— Царь возненавидел грады земли своей!

Кто заступится за невинных? К кому обратиться? И бросились тогда некие из вельмож и народа в ноги митрополиту Филиппу со слезами:

— Смерть глаза нам застилает, и слова застревают в горле от страха! Только и видим одни мучения!

Не смог больше митрополит терпеть и обратился к царю. Поначалу-то увещевал он Ивана Васильевича в беседах личных. И говорил митрополит Филипп:

— Скипетр земной есть только подобие небесного, дабы научил ты челове-

ков хранить правду. Соблюдай данный тебе от Бога закон, управляй в мире и законно. Тот поистинне может называться властелином, кто обладает сам собою, не поработен страстями и побеждает любовью! Слыхали когда-либо,

чтобы благочестивые цари сами возмутили свою державу?!

Государь же от увещаний митрополитских только свирепел больше. Себя ведь считал он выше всякой власти, ибо только его, царская, власть от Бога!

И не выдержал митрополит Филипп. Не может человек, пусть он и царь, Божиим Именем одно насилие творить! Не по-христиански это, не по-православному! И люди должны служить царям телесно, а не душевно, и воздавать им царскую честь, а не Божественную. Божия правда выше власти царской!

Потому и противно Богу истязание Руси, устроенное государем. Разделенная Русь не построит Третьего Рима, не достигнет блаженства и радости! Объединяться надо, общим помыслом жить, государь же зло творит.

И пошел митрополит Филипп против царя. 22 марта 1568 года началось это противостояние христианской правды и царской власти. В этот день отказал Филипп государю Ивану Васильевичу в благословении. А означало это лишь одно: опричнина царская против Божией воли учинена. Три раза подходил царь к митрополиту за благословением и так же три раза отходил, разъяренный.

С того дня и повелось — сколько царь к митрополиту не подходит, не получает благословения. Свирепеет царь день ото дня, все больше разгул опричный разгорается. Но и митрополит Филипп все тверже в подвиге своем становится. Царь, едва сдерживаясь, требует:

— Только молчи, одно тебе говорю: молчи, отец святой! Молчи и благослови!

Филипп же в ответ:

— Наше молчание грех на душу твою налагает и смерть наносит! Всякий, кто не творит правды и не любит брата своего, — не от Бога!

И ведь не боится Филипп слова такие царю в глаза говорить! Не боится,

Митрополит Филипп — в миру Федор Степанович Колычев (1507—1569) — родом из боярской московской семьи, в 1538 г. принял монашеский постриг, в 1548 г. стал игуменом Соловецкого монастыря. Соловецкий Преображенский монастырь основан в 1429 г. на Соловецких островах в Белом море монахами Германом, Зосимой и Савватием.

Н. Неврев
«Кончина митрополита Филиппа»

ибо решился: или правда, или смерть! Нельзя иначе пастырю православному, крепкому в вере, поступать!

А царь-то жесток. Ни перед чем не останавливается. Вот и обвинили облыжно митрополита Филиппа во всех грехах, низвергли из сана митрополичьего и приговорили к смертной казни сожжением. Да государь милость проявил, заменив казнь вечным заточением в монастырь.

8 ноября 1568 года прямо во время службы церковной набросились опричники на Филиппа, содрали с него одежды, обрядили в грубое монашеское платье и увезли с позором из Кремля. А в конце концов отправили и от Москвы подальше — в Тверской Отрочь монастырь.

Государь же не только был жесток, но и коварен. Когда пошел он походом на Новгород, то в Твери оказался. И послал к Филиппу опричника своего самого свирепого, — Малюту Скуратова. Для чего? А для того, чтобы потребовать от узника Филиппа благословения на новгородский поход!

Вошел Малюта в келью Филиппа и... неизвестно доподлинно, что случилось там. Да только вскорости показался Малюта Скуратов из кельи и заявил настоятелю монастыря и приставникам, что в силу их небрежения, скончался инок Филипп от чрезвычайного угара. Случилось это 23 декабря 1569 года.

Но не поверил народ словам Малюты Скуратова. И утвердилось общее мнение — это сам Малюта задушил подушкой Филиппа. Да не по своей воле, а по царскому приказу. Так ли было — нам неведомо.

А покойного Филиппа, митрополита-заступника, в народе возлюбили. И прославлять стали. И признали его святым.

В 1591 году, при царе Федоре Иоанновиче, сыне Ивана Грозного, мощи святого Филиппа перенесли в Соловецкий монастырь, а в 1652 году — в Москву, в Успенский собор. И празднуют день его памяти 9 января и 3 июля, а также 5 октября, совместно со святителями Московскими Петром, Алексеем, Ионой и Гермогеном.

КАК ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ ОПРИЧНИНУ ОТМЕНИЛ

...Сгустились тучи над Москвой. Давит на город небо предгрозовое, чернотой покрывает холмы над Москвой-рекой и над рекой Неглинной. Вода речная темнотой омутной поглощает редкие солнечные лучи. Попадет лучик на воду — и утонет. Или же в волнах, которые ветер нагоняет, захлебнется-исчезнет. А с небес того и гляди хлынет ливень проливной, зальет город, вспучит рваными кругами лужи.

Мрачен и государь Иван Васильевич в день нынешний. Редко бывает теперь он в Москве. Все больше в Александровской слободе время проводит. Да и не любит Иван Васильевич в Москве-то бывать. Как приедет, так мрачные мысли его и одолевают. Вот и нынче сидит государь в светелке своей на скамье и взгляд его в оконце слюдяное устремлен. Да только не видит ничего — ни туч, ни реки.

Ибо сейчас смотрит царь себе в душу. Пишет государь Иван Васильевич духовную — завещание. Прежде чем дяку-писцу набело надиктовать, собственной рукой выводит буквицы. А буквицы те складываются в слова горькие:

«Тело изнемогло, болезнует дух, струпы душевные и телесные умножились, и нет врача, который бы меня исцелил...»

Отрывает Иван Васильевич от письма глаза и слезами они наполняются. Почему же? Вроде противников усмирил. Вон, даже от брата двоюродного, врага давнишнего, Владимира Андреевича Старицкого, избавился — к началу 1569 года истребил его семейство. Но не легчает на душе!

И дела семейные успокоения не приносят! Умерла в 1569 году вторая жена царя, Мария Темрюковна. Через два года

женился государь в третий раз — на Марфе Собакиной. Марфа же больна была и месяца не жила. В нынешнем, 1572 году в четвертый раз женился царь Иван Васильевич — на Анне Колтовской.

И ведь вопреки церковному уставу, запрещающему четвертый брак, женился. Вымолил себе государь у церкви православной разрешение.

А нынче вроде уж и не рад новой жене. Душа-то его одинока! Вот и пишет далее:

«Ждал я, кто бы со мною поскорбел, — и нет никого, утешающих я не сыскал, воздали мне злом за добро, ненавистью за любовь...»

Тут государь об опричниках вспомнил. И эти ведь предателями оказались! Сколько их уже казнено! В прошлом же, 1571 году и вообще позором покрыло себя войско опричное. Не смогло сдержать полчища крымского хана Девлет-Гирея. И пришлось царю русскому от хана крымского бежать — сначала в Александровскую слободу, потом в Ростов.

А. Васнецов

«Татары идут!». Конец XVI в.»

А Девлет-Гирея предатели обманным путем до самой Москвы довели. И хоть Кремль он не взял, да пожег и его, и все предместья московские. Народу погибло — не сосчитать. Москва-река сплошь была трупами покрыта, хоронили только тех, у кого приятели в живых остались.

И дворец царский новый, который вырос за рекой Неглинной на расстоянии ружейного выстрела от кремлевской стены, тоже сгорел. И ведь не дворец это был, а замок-крепость настоящая — каменные стены высотой в три сажени, ворота, железом окованные, и сотни опричных стрелков, карауливших днем и ночью. Ворота же венчала львиная фигура, разинувшая пасть в сторону земщины. А на шпилях дворца — двуглавые орлы.

Стенами дворца-крепости государь Иван Васильевич от земщины огородился. Но вот сгорел дворец, и подумывал теперь государь о том, чтобы перенести столицу державы в Вологду. Там уж и крепость строить начали.

Кому верить? На кого положиться можно, когда изменники кругом?

Вот и гложет изнутри сердце царское страх. Страхом ведь не только других к покорности приводить можно. Человек, страх наводящий, сам от него и гибнет.

И сетует государь Иван Васильевич, к детям своим обращаясь:

«По множеству беззаконий моих распростерся Божий гнев, изгнан я от бояр, ради их самовольства, от своего достоинства и скитаюсь по странам. И вам моими грехами многие беды нанесены...»

Наставляет государь сыновей Ивана и Федора жить в мире и любви. Особенно обращается к Федору и завещает: на старшего брата не подниматься, а быть ему во всем покорным и добра желать. Выводит царская рука буквицы, слезы глаза застилают. Страх, всюду страх!

Грянул тут гром. И начал дождь хлестать по крышам новых домов, после пожара построенных.

Перекрестился царь Иван Васильевич. Зябко повел плечами, поежился. Неужто и вправду нет над ним Божией благодати?..

Несколько лет разрывало единое тело Руси разделение на опричнину и земщину. Каялся государь Иван Васильевич в грехах своих, сознавался в беззакониях, но опричнину не отменял.

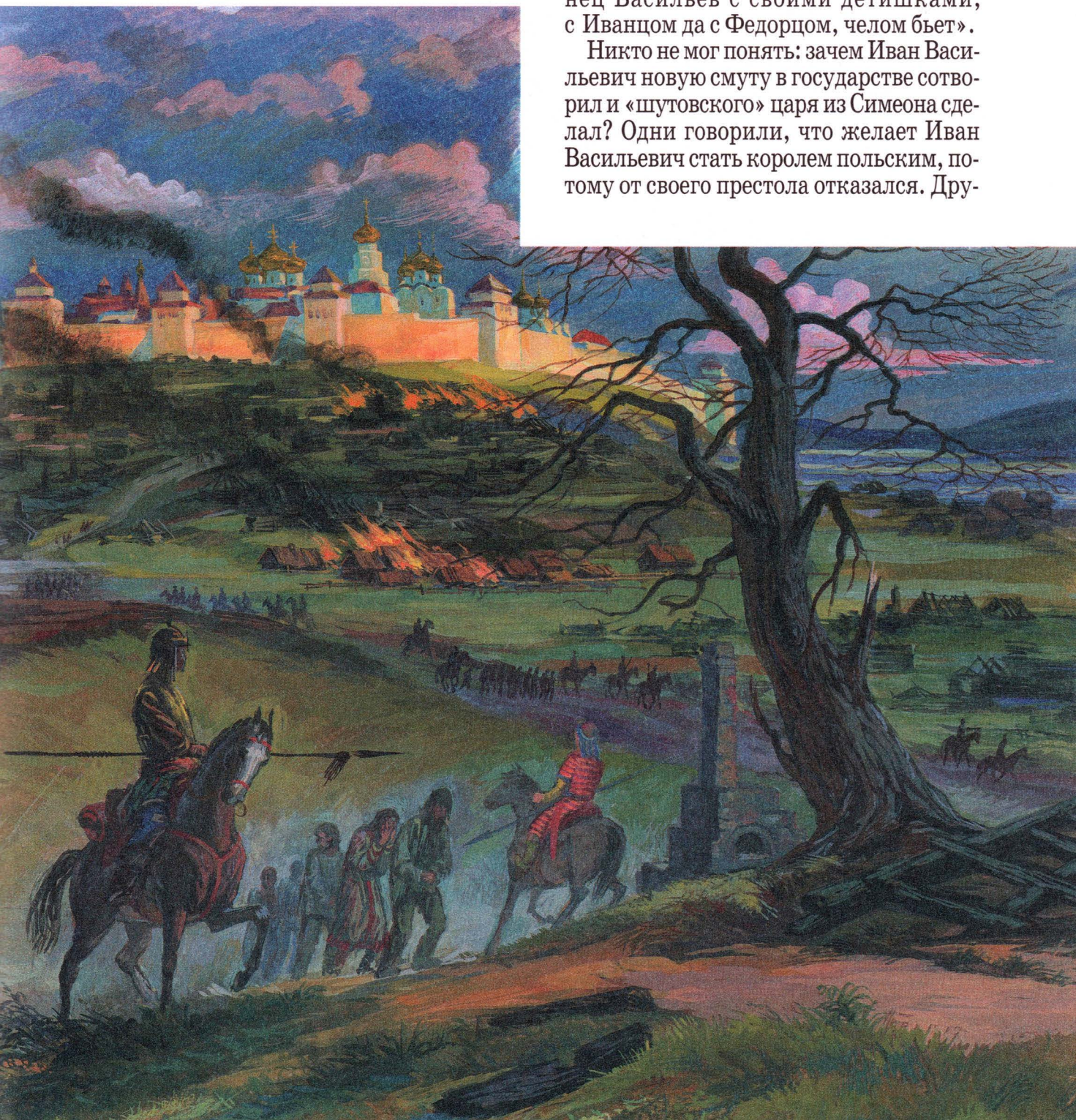
Когда грехи свои отмаливал, вроде зати-
хали на Руси разорения. Но чуть душой
отходил — и все заново начиналось.

В 1575 году Иван Васильевич посадил
великим князем на Москве крещеного
татарина, касимовского хана Симеона
Бекбулатовича. Сам же назвал князем
Московским и выехал из Кремля. И ездил

как простой боярин. Приедет, бывало, к
великому князю Симеону, сядет от него
далеко, как и другие бояре, а самого Си-
меона сажают на царское место.

И писал Иван Васильевич великому
князю Симеону верноподаннические че-
лобитные: «Государю великому князю
Симеону Бекбулатовичу всяя Руси, Ива-
нец Васильев с своими детишками,
с Иванцом да с Федорцом, челом бьет».

Никто не мог понять: зачем Иван Васи-
льевич новую смуту в государстве сотво-
рил и «шутовского» царя из Симеона сде-
лал? Одни говорили, что желает Иван
Васильевич стать королем польским, по-
тому от своего престола отказался. Дру-

гие баяли: хочет государь таким образом теперь с опричниками, бывшими своими приближенными, расправиться.

И в самом деле продолжились в это время неистовства и казни возобновились. Епископа новгородского Леониды, к примеру, зашили в медвежью шкуру и затравили собаками. Многие опричники, прежние царские любимцы, тоже смерть свою нашли.

Но и еще слухи ходили по Руси. Предсказали, мол, волхвы-волшебники Ивану Васильевичу, что умрет в 1575 году царь московский. Государь суеверен был и решил судьбу обмануть — отказался в том году от престола и московским царем Симеона назначил. А как год пройдет, — говорили промеж себя люди русские, — вернется царь обратно. И вправду — в следующем, 1576 году возвратился Иван Васильевич на царство! Может, слухи-то верными оказались?

А пока — беда и горе катились по Руси! Селения и города разорялись, людей истязали да казнили. Больше трех лет голод небывалый косил народ. Да еще чума на-

валилась и свирепствовала целый год. В одном только Новгороде от чумы погибло десять тысяч человек. Слабела Русь день ото дня. Ну какого тут Третьего Рима ожидать? Дай-то Бог просто выжить!

А ведь Русское государство уже двадцать лет непрерывно вело войны. И со Швецией — за город Ревель. И с Крымским ханством — за Казань и Астрахань. И Ливонская война продолжалась. Но разве можно о победах в войнах мечтать, когда страна по царскому велению на части раздирается и нет мира в народе русском?

Может, и не хотел царь Иван Васильевич опричнину отменять, а что делать-то? Еще в 1572 году указ вышел о запрещении употреблять даже само слово «опричина». Земли, которые в опричнину ранее входили, называли «дворовыми». Иначе говоря, принадлежащими царскому двору. Но лишь с 1576 года не стало слышно о казнях и погублениях незаконных. Да ведь сделанного уже не вернешь...

И сам государь оставался все так же скор на гнев и опалы.

КАК ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ ПОСЛЕДНИЕ СВОИ ГОДЫ ЖИЛ

...В ноябре 1581 года сызнова поползли слухи по всей Руси. Одна баба, которая взваром горячим на торговище московском торговала, говорит другой:

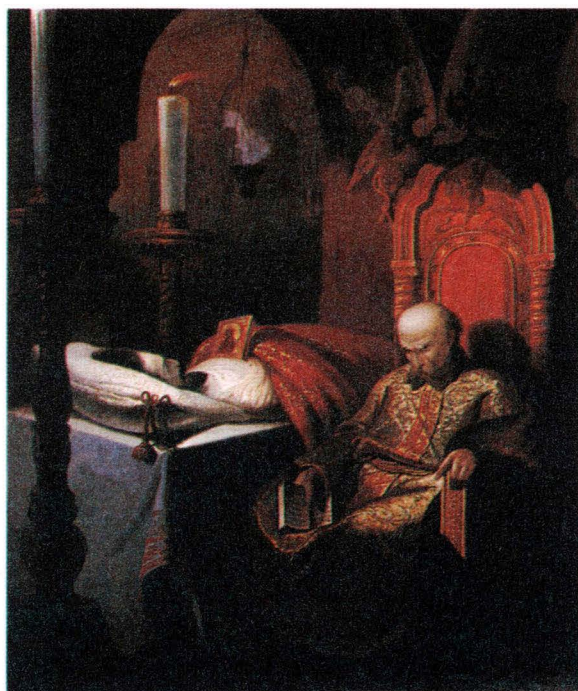
— Марфуша! Слыхала новость-то? Иван Иванович, наследничек государев, в Александровской слободе преставился! И всего-то двадцать семь лет было царевичу! Упокой душу его, Господи!

Марфуша, оглянувшись по сторонам, наклонилась к соседке и шепчет на ушко:

— Ты зачем это, Алена, кричишь-то? Да и не так все было!

И еще раз оглянувшись, продолжает:

— Не сам царевич помер ведь! Муж мой сейчас в стрельцах служит в Александровской слободе. Так слышал он, как толмач-итальянец рассказывал. Государь наш, Иван Васильевич, зашел как-то в комнату к снохе Елене. А та, бесстыдница, вместо трех рубашек, только в одну была одета! Государь разгневался на такое ее бесстыдство и бить начал. А у той, от страха и побоев, случился выкидыш. Царевич же Иван Иванович жену защищать бросился, схватил отца за руки. Так госу-

Н. Шустов

«Иван Грозный у тела сына»

дарь и сына прибил — посохом ему в висок ударил, тот сразу отдал Богу душу!

Алена, выслушав товарку, отвечает, тоже шепотом:

— Да ведаю я, ведаю! Сосед у меня с английскими купцами знает. Те и говорили: не сразу убил государь сына своего, не сразу. Он сыну посохом в ухо попал, Иван Иванович-то и заболел горячкой, а скончался на одиннадцатый день!

А русские пленные в Польше говорили, что царевич Иван хотел во главе войска встать. И тем государя, отца своего, испугал и разгневал. И никто правды всей не знал. И до сих пор не знают...

Смерть сына Ивана, преждевременная гибель будущего и долгожданного внука совсем подкосили государя Ивана Васильевича. От горя он чуть рассудка не лишился. Каялся и плакал беспрестанно. Даже в монастырь уйти собирался.

Но не хотел царь Иван Васильевич с жизнью прощаться, держался. Много дел еще видел перед собой. Только как-то из рук все валилось. Вон, взять хотя бы войну за земли Ливонские. Понача-

лу удача на русской стороне была. Взяли Нарву и Дерпт, подошли к Ревелю и Риге, завоевали Полоцк. Но не желают соседние короли пускать Русь к Балтийскому морю.

Швеция, Крымское ханство, Речь Посполитая (так стали называться объединившиеся Польское королевство и Литовское княжество) вместе на Русь навалились. Польский король Стефан Баторий с 1579 по 1581 год разорял русские земли. Полоцк захватил, Великие Луки. И только героизмом защитников Пскова удалось сдержать польские войска.

В тяжелое положение попала Русь. Вот и пришлось царю Ивану Васильевичу о замирении беспокоиться. Даже к римскому папе, ненавистнику веры православной, обратился он с просьбой помочь в переговорах со Стефаном Баторием.

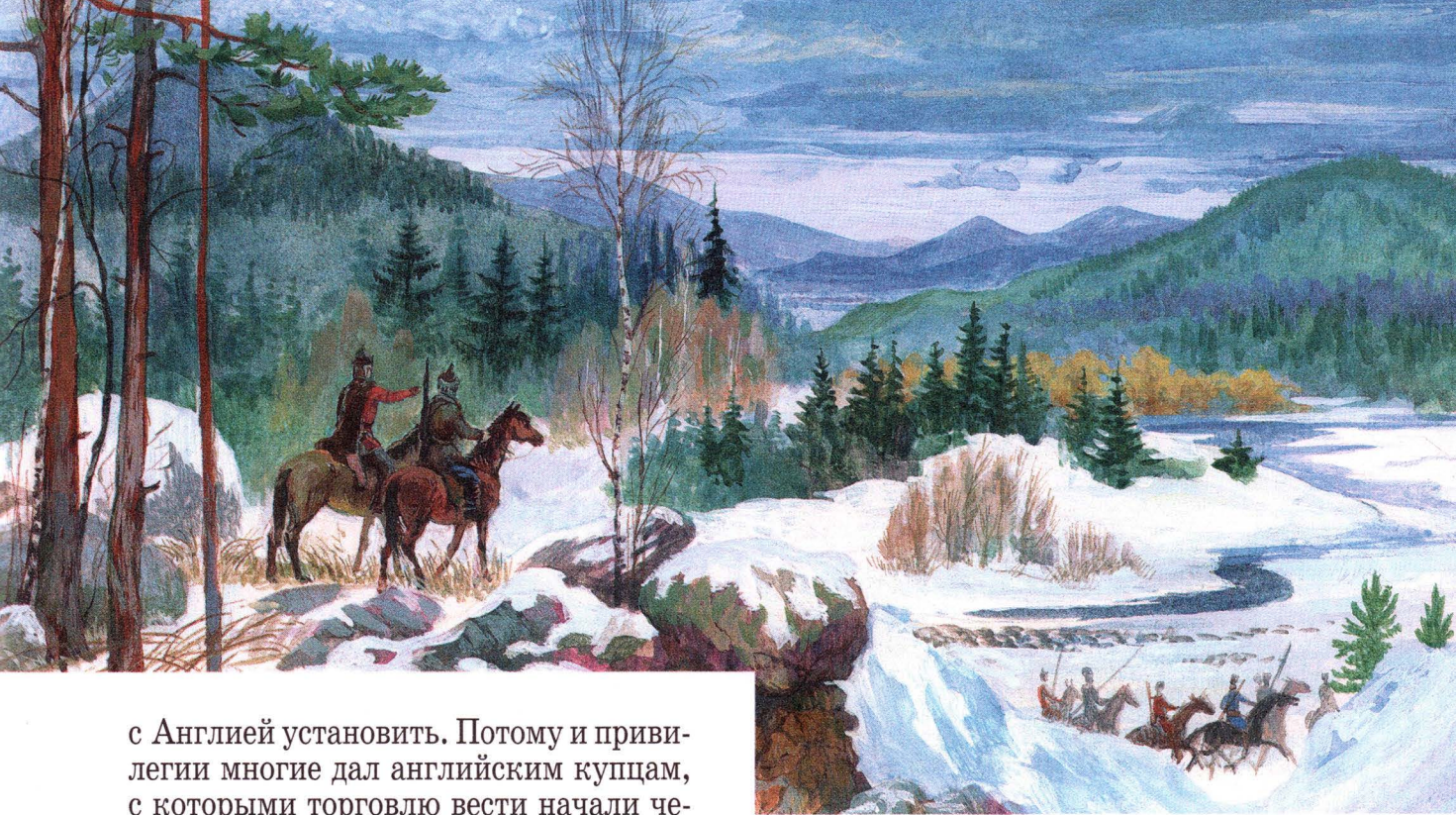
Только к 1583 году Ливонская война закончилась. И если с Речью Посполитой удалось договориться о сохранении русских границ, то со Швецией не получилось. Не только от захваченной ливонской Нарвы, но и от старинных русских городов Ямы, Копорья и Ивангорода отказаться пришлось.

В семье царской опять все как-то не так: четвертая жена царя Анна Колтовская только три года и побыла царицей — отправили в монастырь. Потом были у Ивана Васильевича еще две жены. А в 1580 году в последний раз венчался государь — с Марией Федоровной Нагой. И опять против правил церковных пошел!

Новая царица через два года сына родила, Дмитрия. Да быстро охладел государь к новой жене. Уже в 1582 году, будучи женатым, свататься начал к племяннице Елизаветы, королевы английской, — Марии Гастингс.

Была, правда, в этом задумка политическая. Потеряв выходы к морю Балтийскому, хотел государь потеснее связи

с Англией установить. Потому и привилегии многие дал английским купцам, с которыми торговлю вести начали через город Архангельск, на Белом море построенный в 1584 году. Но с женитьбой новой так ничего и не вышло.

Федор, нынешний царский наследник, тоже отца не радовал. Давно уже над младшим царевичем попечение взял боярин Борис Годунов. Годунов, собственные выгоды устраивая, выдал за Федора свою сестру Ирину. Одна беда — не было у Федора с Ириной детей.

Потребовал Иван Васильевич от сына оставить Ирину и заново жениться. Надо же род царский продолжать!

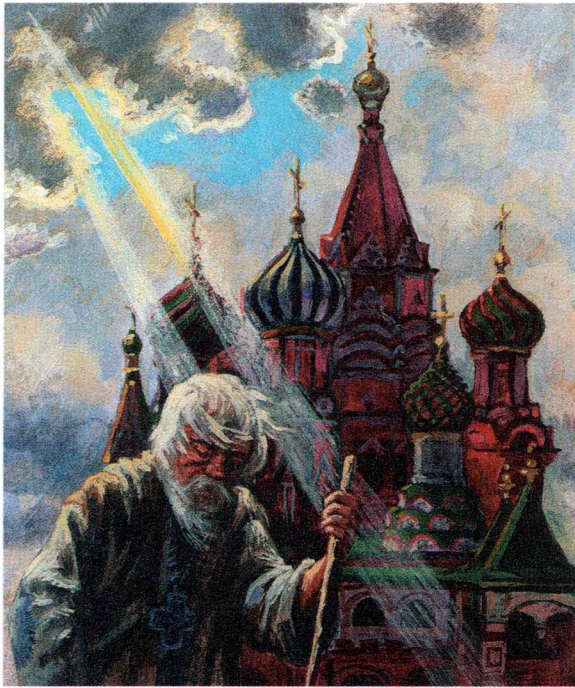
Так ведь воспротивился Федор отцовской воле! И не смог царь Иван Васильевич к Федору силу применить. А может, и побоялся: вдруг и второго сына потеряет? Вот и оказалась трехсотлетняя династия московских великих князей, к самому Рюрику восходящая, обреченной на исчезновение. Бездетный Федор, младенец Димитрий... Понимал царь Иван Васильевич, как тяжело им придется после его смерти. Понимал и горевал оттого.

Были, конечно, и радости в последние годы. Вон, уж двадцать лет стоит на Красной площади, греет душу собор

Покрова, что на Рву, в честь победы над Казанью возведенный. На века красота эта построена. Не знал государь одного — в народе-то его собором Василия Блаженного величать стали. Дело в том, что Покровский собор построили рядом с могилой юродивого Василия. А этого юродивого московский люд очень почитал. И получилось — строили собор по указу государя, а прозвали по имени юродивого.

А вот еще утешение — книга «Апостол», первая, в Москве напечатанная, на столе лежит. Еще в 1564 году печатник Иван Федоров по царскому разрешению положил начало книгопечатанию на Руси. Да только пришлось Федорову покинуть пределы Русского государства. Хорошо еще, что продолжилось книгопечатание в типографии Александровской слободы.

Сейчас с нетерпением ждал государь новых весточек из Сибири. Отправился туда донской казак Ермак Тимофеевич со товарищи. Победил Ермак сибирского хана Кучума. Вот и вырастет Русь за-

Покровский собор — собор Покрова Богородицы на Рву, или собор Василия Блаженного. Построен в 1554—1557 гг. в честь победы над Казанским царством. Покорение Казани свершилось в день одного из наиболее почитаемых православных праздников — Покрова Пресвятой Богородицы. По преданию, в 910 г. в Константинополе юродивому Андрею и его ученику Епифанию явилась Богородица, простерла над молившимися белое покрывало (покров) и произнесла молитву о спасении мира от бед и страданий.

Покровский собор построен на месте деревянной церкви Святой Троицы, при которой в 1552 г. был похоронен юродивый Василий Блаженный. В 1588 г. были обретены мощи Василия Блаженного, которые прославились многими чудесами. С тех пор и закрепилось второе название — собор Василия Блаженного.

ново! Пусть на Западе усекалась в границах Русская держава, так на Востоке развернется, прирастет Сибирью! К царствам Казанскому и Астраханскому прибавится и царство Сибирское. Вспоминают вот в народе опричнину. И сам царь,

искренне раскаявшись, повелел помянуть казненных им людей во всех монастырях. Составили и список погибших — «Синодик опальных царя Ивана Грозного». Четыре тысячи имен записал государь в тот Синодик.

Но ведь не строятся царства великие без крови! Или войны между католиками и протестантами в европейских державах без насилия обходились?

Испанский король Карл V, избранный императором Священной Римской империи, с протестантами воюя, всю Европу кровью залил. Даже Рим захватил и разграбил.

Король английский Генрих VIII, наоборот, католиков казнил без счету. Дочь же его Мария, католичка, вступив на престол, за протестантов принялась, за что и прозвали ее Мария Кровавая.

А во Франции в ночь перед праздником святого Варфоломея перебили католики гугенотов-протестантов... Государь же Иван Васильевич бояр-изменников казнил, а не народ...

Много Иван Васильевич в последние годы жизни о вере размышлял да о Боге думал. Не простой он все же человечешко на Земле, Помазанник ведь Божий. Вот и мучили государя Ивана Васильевича думы тяжкие, терзали сердце. Где же, где же он — Третий Рим? Неужто зряшными оказались все его, Помазанника Божиего, усилия?

И опять мысль коварная в голову приходила: а вдруг правы были и Сильвестр, и митрополит Филипп в том, что христианская правда важнее царской власти? И победить зло одним Страхом Божиим, без любви христианской невозможно? А тут еще дошли до государя слова, изменником Курбским сказанные:

— Дар духа дается не по богатству внешнему и по силе царства, но по правости душевной... Ведь смотрит Бог на правоту сердечную и дает дары тем, кто воспринимает их доброй волей своей!

Но гонит Иван Васильевич от себя мысль эту предательскую! Ни один государь не может одной только любовью править.

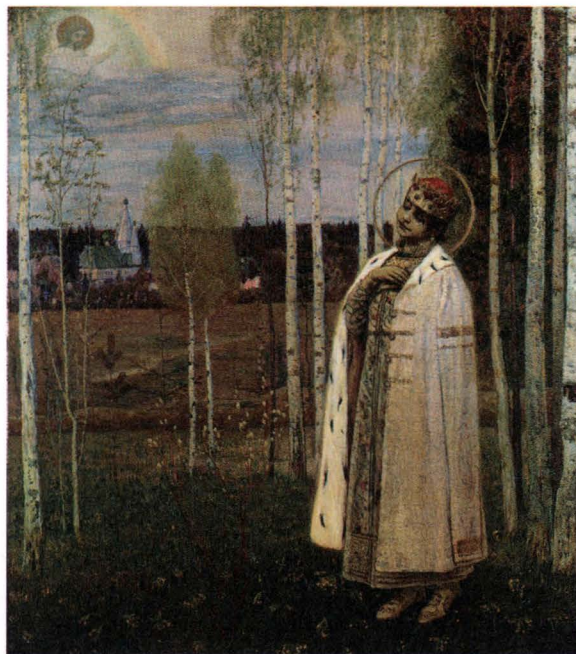
И Курбский, собака, все врет! Ему бы только государя оскорбить да унизить! Вон ведь написал недавно очередную клевету на Ивана Васильевича. Назвал эту клевету «Историей о великом князе Московском» — тоже ведь тайный смысл названию придал! Мол, Иван Васильевич никакой не царь и царем не был никогда, а как были его предки великими князьями, так и он великим князем остался! А уж божественную благодать, над русским царем распростертую, и тем более не признает!

Государь же Иван Васильевич до конца дней считал себя истинным Помазанником Божиим. И убежденностью поражал даже людей заграничных.

Когда Ливонскую войну завершать хотели, обратились за помощью к папе римскому Григорию XIII. А папа римский учуял тогда, что в православной Руси нелады творятся, и решил этим попользоваться. Авось, мол, откажется народ русский от исконной веры и припадет к престолу римскому.

Приехал папский посланник — Антонио Поссевино. Был он иезуитом, да не простым, а секретарем генерала иезуитского ордена. И имел Поссевино задание — вовлечь государя Московского Ивана Васильевича в союз с католической церковью против турецкой империи. А в том задании скрывался и смысл дальний, потаенный — союзом против турок хотел Григорий XIII приблизить государя Московского к себе, а затем постепенно обратить русского царя в католичество. А за ним и всю Россию! Вот ведь о чем папе римскому мечталось!

Антонио Поссевино за поручение рьяно взялся. Не раз и не два вступал он в споры с православными мудрецами, да только не мог никого уверить в своей пра-

М. Нестеров
«Дмитрий-царевич убиенный»

Димитрий Иванович (1582—1591) — царевич, младший сын Ивана IV. После смерти Ивана Грозного вместе с матерью был поселен в Угличе. Там и погиб в возрасте девяти лет при загадочных обстоятельствах. По версии Нагих, убийцу подослал Борис Годунов, чтобы устранить возможного наследника престола. Годунов же сам хотел занять престол. Эта версия вошла в народную молву. Официальную версию смерти царевича предложила специальная следственная комиссия, посланная в Углич из Москвы. Эта комиссия доказывала, что царевич Димитрий при игре «в ножички» нечаянно сам напоролся на нож. В 1605г. царевич Димитрий был признан святым.

А. Литовченко

«Иван Грозный показывает сокровища английскому послу Горсею»

воте. Больше того, сам боялся вере собственной изменить — бывало, придет из православного храма, куда его на праздничные службы приглашали, да и молится тому, что избежал искушения. И чем дальше знакомился он с русскими обычаями, тем более убеждался — невозможно народ русский от православия отвортить. Вот и говорил он своим приближенным и своим римским начальникам:

— С самого нежного возраста москвиты впитывают то мнение, что они единственные истинные христиане, остальных же (даже католиков) они считают нечестивыми, еретиками или людьми, впавшими в заблуждение.

А что уж говорить о государе Иване Васильевиче! Несколько раз беседовал с ним Антонио Поссевино, все хотел поколебать государеву веру. Да только не получалось ничего у хитрого иезуита. Вот и написал он в отчете римскому папе про русского царя:

— Что касается его веры, трудно поверить, насколько он ей предан. Он считает ее приемлемой на все времена.

Но еще более поразило папского посланника другое — сколь искренне верит Иван Васильевич в свое богоизбранничество. Потому-то Антонио Поссевино и написал:

— Он считает, что нет никого более ученого и более исполненного истинной религией, чем он сам... Он считает себя избранником Божиим, почти светочем, которому предстоит озарить весь мир.

Верил царь Иван Васильевич в свое богоизбранничество, верил... и страдал оттого! Не слишком ли уж многое взял на себя Иван Васильевич, очищая Русь от измены и предательства? Не слишком ли на великое покусился?

Вечная ведь мука для правителя — во имя Любви и Веры истинной, кровь проливать и Страх наводить. А где она, мера Любви и Страху? Кто сию меру нашел в земной жизни — тот поистине счастлив!

Верил Иван Васильевич в Божий промысел, который им, царем русским, руководит, верил истово и... сомневался! А от сомнения — в гордыню впадал. Оттого он и каноны православные не нарушал: в браках многочисленных недержан был, в гневе и смертоубийствах неистов, служителей церковных преследовал по прихоти своей. Так и казалось, что испытывает Иван Васильевич: какую власть даровал ему Господь на земле? Где пределы царского своеволия?

А под конец жизни вздумалось Ивану Васильевичу окружить себя знахарями да гадалками языческими. Как будто Слова Божиего не хватало ему уже. Может, и потому еще смерть его была загадочна и тяжела?

В начале 1584 года напала на Ивана Васильевича страшная болезнь — гниение внутри, опухоль снаружи. И не смог он уже с нею справиться. Умер он 18 марта 1584 года.

Однако смерть Ивана Васильевича покрыта тайной небывалой. Одни говорили, что сам умер царь. И ведь в день смерти наступило у него внезапное просветление в болезни. Царь обрадовался и сел играть в шахматы. Тут-то и застиг его последний смертный удар.

Говорили и по-другому: смерть его по воле звезд произошла. А в том дело, что к концу жизни государь очень уж суеверен стал. И приказал он привезти с Севера кудесников и колдуний — всего шестьдесят человек. Каждый день гадали они по звездам и Ивану Васильевичу о своих гаданиях доносили. А ведь православная церковь гадания по звездам запрещала. Но царь-то сам себе голова, что хочет, то и делает! И предсказали кудесники: самые сильные созвездия и могущественные планеты встали против царя и 18 марта он умрет. И ведь надо ж было такому случиться — именно в этот день чувствовал себя Иван Васильевич очень даже хорошо! Тогда приказал он передать кудесникам: за страшную ложь их либо сожгут, либо заживо в землю закопают. Однако ответили кудесники:

— День окончится только тогда, когда сядет Солнце.

Так и случилось — вечером, после купания в ванне, царь сел играть в шахматы, но упал замертво. Вот так звезды и погубили государя.

И еще более зловещие слухи ходили. Когда государь, в шахматы играя, потерял сознание, то помогли, мол, ему покинуть эту грешную землю — то ли удушили, то ли отравили... И никто другой, как Борис Годунов это злодейское царское убийство содеял.

Было ли это? Не было? Правды истинной не знает никто до сих пор.

Но известно — уже над полумертвым царем совершили обряд монашеского пострижения. И ушел в мир иной не царь всея Руси Иван IV Васильевич, а смиренный инок Иона.

Так и закончилось на Руси правление государя Ивана Васильевича, прозванного Грозным.

*П. Геллер
«Митрополит перед кончиной
Ивана Грозного посвящает его в схиму»*

СОДЕРЖАНИЕ

Как у великого князя московского Василия Ивановича сын родился.....	2
Как великий князь московский Иван Васильевич детские годы проводил	6
Как великий князь московский Иван Васильевич царем стал	11
Как царь Иван Васильевич «Избранную раду» учредил	16
Иллюстрированный словарь «Окружение Ивана Грозного»	20
Как царь Иван Васильевич Казань-крепость взял	22
Как царь Иван Васильевич грозным стал	28
Как царь Иван Васильевич Грозный с митрополитом Филиппом обошелся	33
Как царь Иван Васильевич Грозный опричнину отменил	37
Как царь Иван Васильевич Грозный последние свои годы жил	41

Сергей Перевезенцев

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Для младшего и среднего школьного возраста

В книге рассказывается о жизни и царствовании Ивана Грозного.
Эти, казалось бы, далекие от нас времена как ни какие другие
полны исторических аналогий с нашим временем.

Художник Сергей Онипенко

Издательство «Белый город»

Директор К. Чеченев
Директор издательства А. Астахов
Коммерческий директор Ю. Сергей
Главный редактор Н. Астахова

Редактор Л. Жукова
Корректурa: А. Новгородова, Н. Старостина
Компьютерная верстка: С. Карпачева, Т. Федорина
Сканирование: О. Кругова

ISBN 5-7793-0311-8

Лицензия ИД №04067 от 23 февраля 2001 года

Издательство «Белый город»,
111399, Москва, ул. Металлургов, 56,
тел. 176-91-09, 176-91-04, 176-94-63

Оптовые поставки — фирма «Паламед»,
111399, Москва, ул. Металлургов, 56,
тел. 176-68-95, 176-91-09, 176-80-97, 176-91-04,
176-94-63, 288-75-36, факс 176-68-09

E-mail: palamed@aha.ru

Розничная продажа:

Торговый Дом Книги «Москва»
Москва, ул. Тверская, 8
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

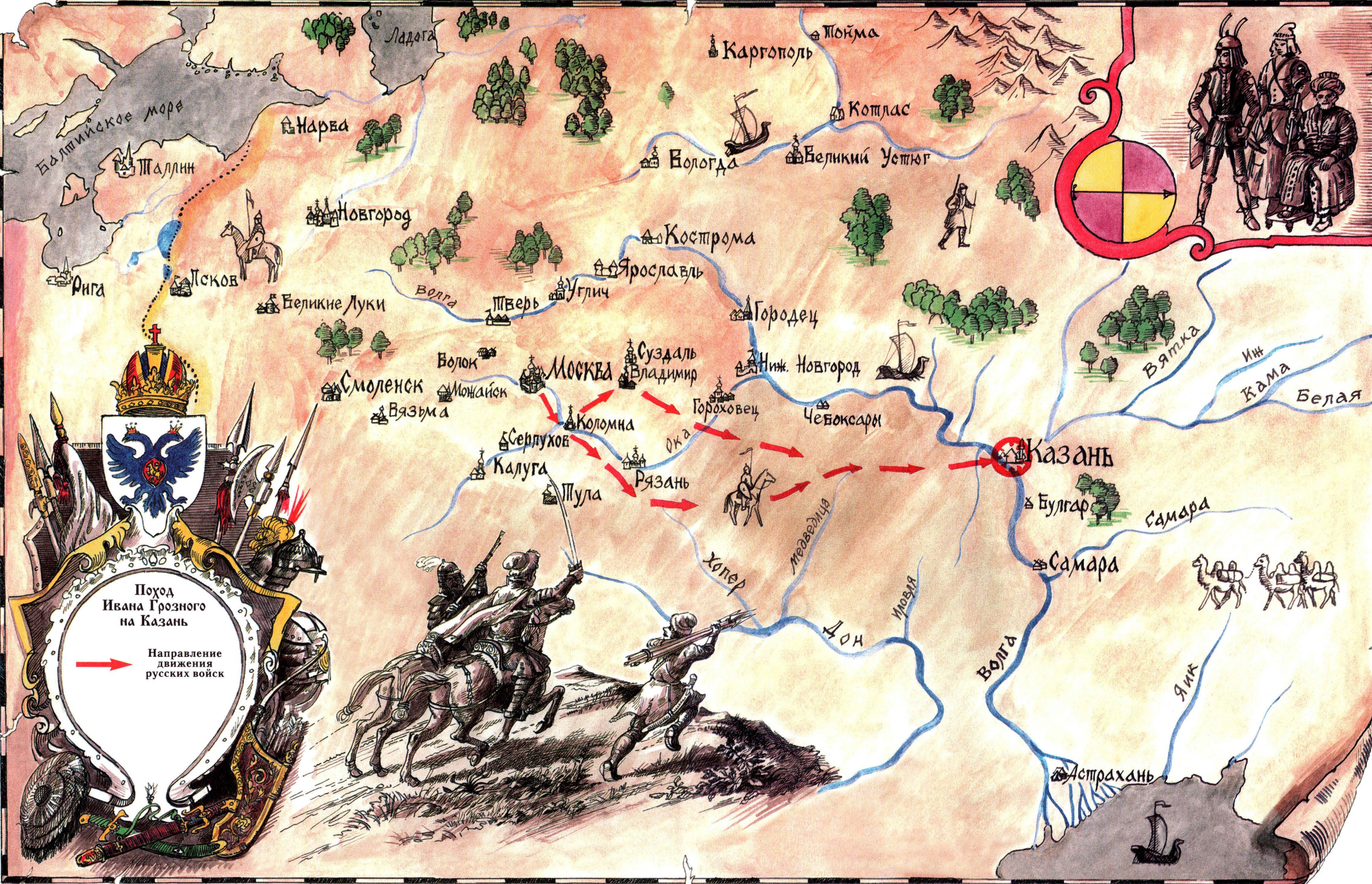

Дата подписания в печать 20.10.2001
Гарнитура SchoolBook; печать офсет,
бумага офсетная, печ. л. 3,0,
формат 84 × 108, 1/16
Тираж 8000 экз.
Заказ № 0113740.

Электронный вариант книги:

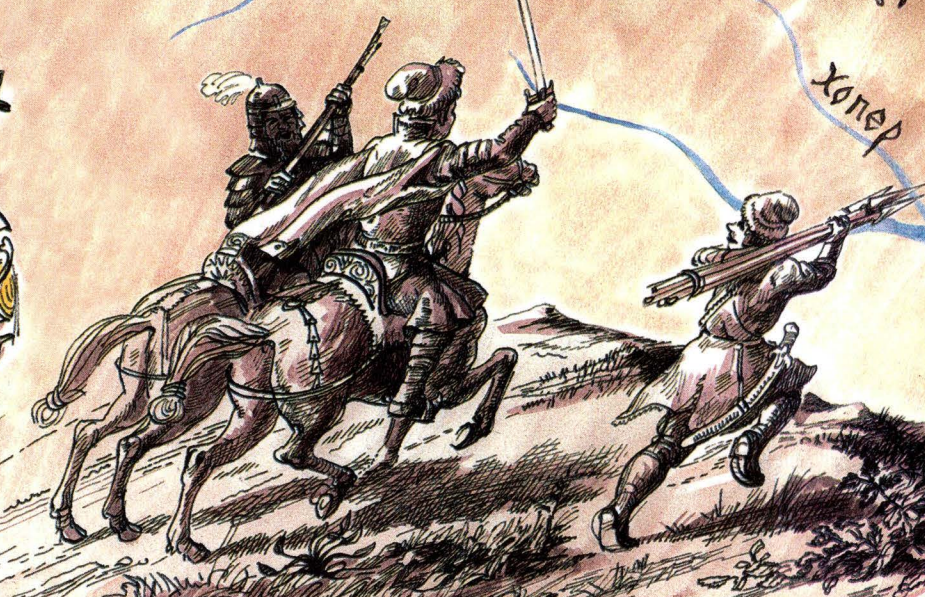
Скан: LenAlis

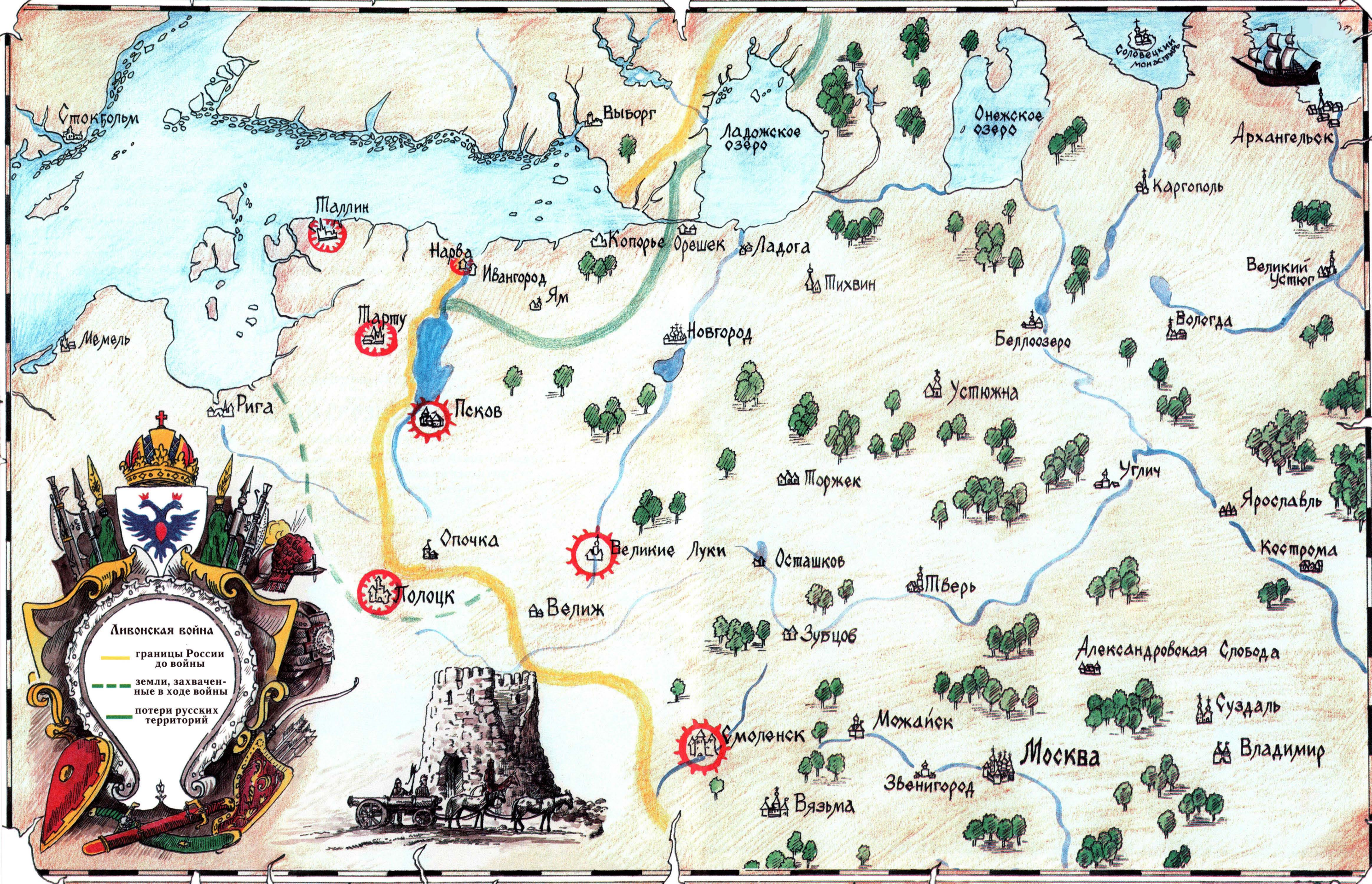
Обработка, формат: manjak1961

Поход Ивана Грозного на Казань

→ Направление движения русских войск

Ливонская война

- границы России до войны
- - - земли, захваченные в ходе войны
- потери русских территорий

ИСТОРИЯ РОССИИ

Эти книги, рекомендованные Министерством общего и профессионального образования РФ для дополнительного образования, признаны лучшими детскими книгами 2000 года.

**Готовятся
к выпуску:**

АЛЕКСАНДР ОСВОБОДИТЕЛЬ
ИСТОРИЯ РУССКОГО ФЛОТА
РУССКИЕ КОМПОЗИТОРЫ
ЦАРИ И ИМПЕРАТОРЫ
РУССКИЕ КОЛУМБЫ

АЛЕКСАНДР I
РУССКИЕ ГОРОДА
М.В. ЛОМОНОСОВ
ТРАГЕДИЯ XX
ВЕКА

ISBN 5-7793-0311-8

9 785779 303118 >

ИСТОРИЯ РОССИИ

ИВАН ГРОЗНЫЙ

БЕЛЫЙ ГОРОД

ИВАН ГРОЗНЫЙ

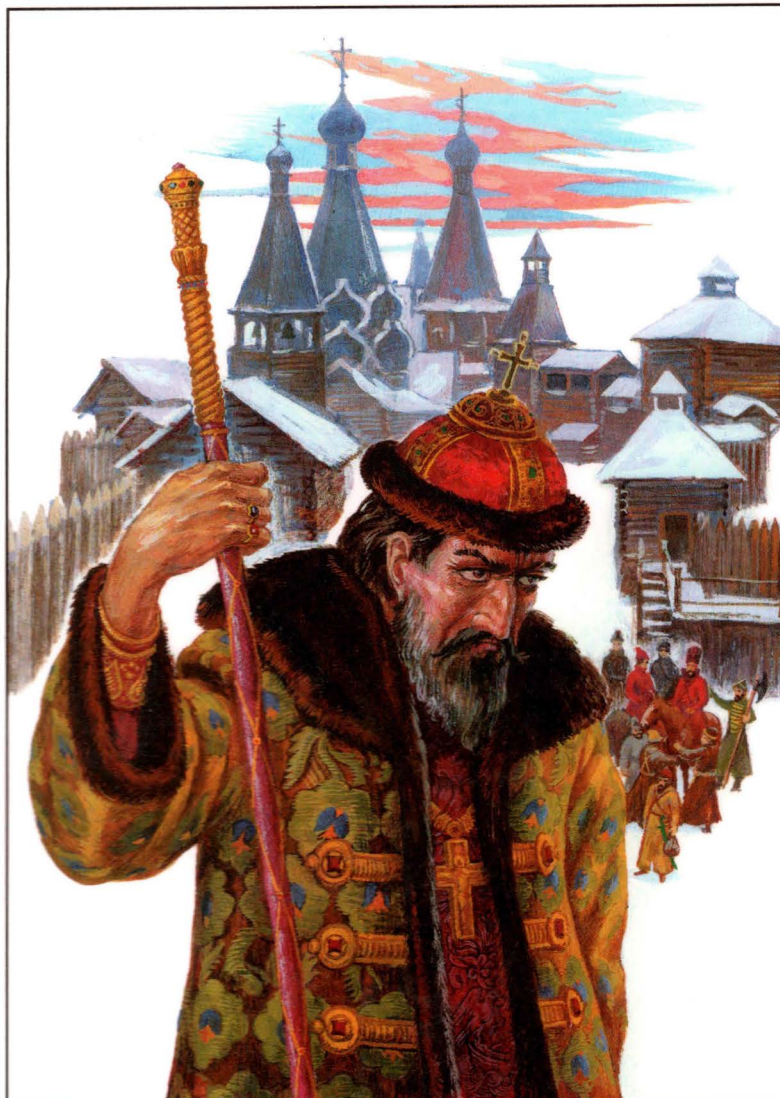
Говорили: Малюта
Скуратов, по приказу
царя, митрополита
Филиппа убил

Нашествие на Москву
Девлет-Гирея было
разрушительным

Было у царя собрание
редкостей, посмотреть
на которые съезжались
со всего света

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
СЛОВАРЬ

ОКРУЖЕНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

КАРТЫ

Поход Ивана Грозного
на Казань
Ливонская война

Нравилось юному Ивану скакать
на лошади по улицам и пугать
мирных граждан

Четыреста долгих лет
ждала Русь
покорения Казани

Ударил царь сына
посохом и десять дней
молил Бога
о милости — оставить
сына в живых...

Разное говорили
о смерти царевича
Дмитрия.
Но так и осталась эта
тайна неразгаданной

Любил царь сам укрощать и наказывать
виноватых — особенно бояр, что его
царскую волю не признавали

БЕЛЫЙ

ГОРОД